

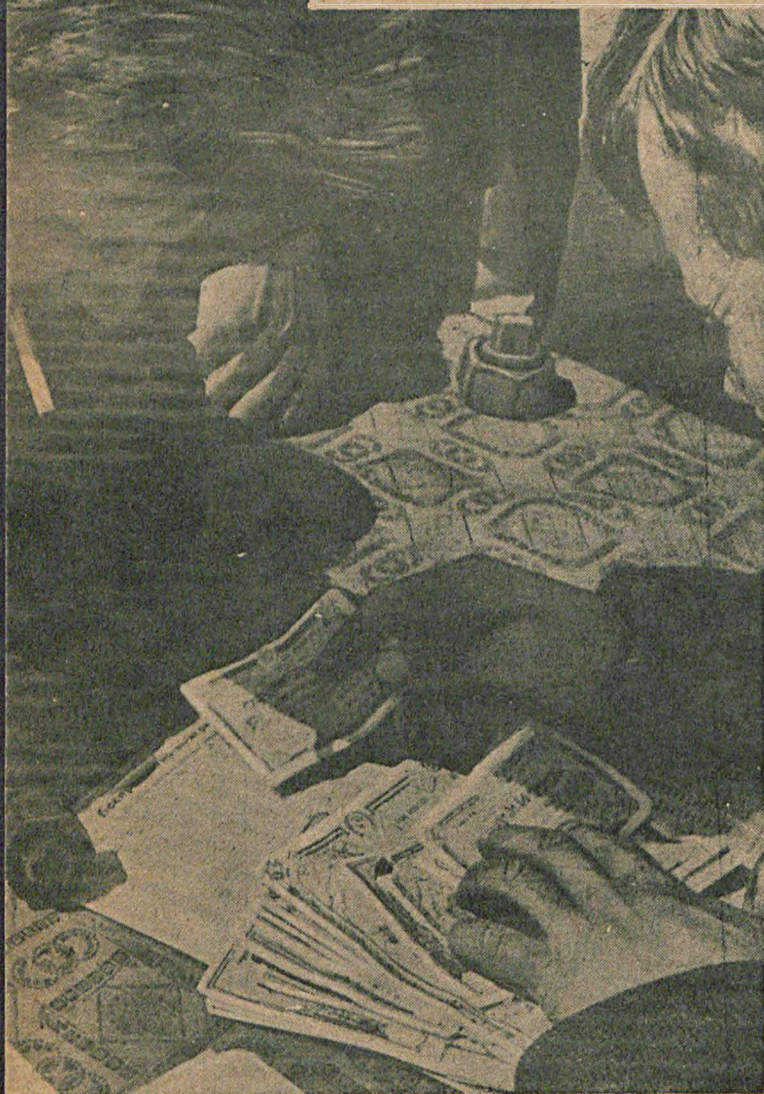
КОНФЕРЕНЦИЯ ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА

1 июля в Москве открылась VII Всесоюзная конференция ВЛКСМ. Центром работ конференции явился вопрос о задачах комсомола на рубеже двух пятилеток и о борьбе за систематический подъем сельского хозяйства, за развертывание советской торговли, за овладение техникой и наукой.

На снимке—группа делегатов.

Фот. В. Шаховского

РЕАЛИЗУЕМ ЗАЕМ 4-го, ЗАВЕРШАЮЩЕГО

сверху: подписка на новый заем и проверка облигаций в комиссии тодейства займу Московского арнозного завода (фот. С. Шингарова); внизу: слас-митинг работников-тюрчаной швейной фабрики ри клубе имени Али Байранова в Баку, посвященый займу 4-го завершающего года пятилати (фот. Шамхарова и А. Финагина); справа-митинг, по-ищенный займу, на стадионе Трахгорной ману-антуры в Москве.

ПОЧТОВЫЙ ТРАКТ ЖЕНЕВА—ЛОЗАННА

Наступила страдная пора для европейской дипломатии. Политические руководители капиталистических стран буквально разрываются между двумя конференциями—женевской „разоружительной“ и лозаннской репарационной. Обе эти конференции территориально, так сказать, отмежевались друг от друга, но по-существу между ними существует теснейшая зависимость.

Пятимесячные заседания конференции по разоружению, в конце концов, не дали никаких сколько-нибудь осязательных результатов, и, подводя итоги работе генеральной комиссии, т. Литвинов совершенно правильно указал, что нет решений по кардинальному вопросу,—согласны ли все представленные на конференции государства на какое бы то ни было разоружение или сокращение вооружений.

При этом М. М. Литвинов указал, что он имеет в виду прямое материальное сокращение вооружений, а не экономические мероприятия, как, например, по сокращению бюджета, которое могло явиться результатом не конференции, а скорее экономического и финансового положения отдельных стран или всех стран.

Если рассмотреть с этой точки зрения предложение президента Гувера о сокращении вооружений мира приблизительно на одну треть, то связь между сокращением вооружений и финансовым подожением капиталистических стран становится особенно четкой и неразрывной.

Оказывается, что Лозанна и Женева лежат на одном почтовом тракте капитализма. Отказ Германии платить репарации и по истечении гуверовского моратория ставит перед союзниками вопрос об уступках Германии. Но эти уступки бывшие союзники, естественно, ставят в зависимость от позиции Соединенных Штатов, которые отклонили возобновление моратория

по межсоюзным долгам. Следовательно, в декабре этого года, если „американские дядюшки“ не смягчатся, европейским должникам—Франции, Италии, Бельгии—придется платить Америке проценты. Предложение Гувера о сокращении вооружений в первую очередь ставит своей задачей напомнить своим должникам о громадных военных расходах и тем самым перенести центр тяжести из Лозанны в Женеву, где вот уже около полугода ведется систематический саботаж разоружения.

Правда, американцы, внеся свое предложение, не добились какой-либо поддержки от английских представителей, но зато они сумели лишний раз выявить глубину англо-французских противоречий.

Возникает вопрос, какова же будет реальная польза от предложения Гувера?

Некоторый ответ на этот вопрос уже дает та дискуссия по вопросу о декларации Гувера, которая возникла непосредственно после опубликования декларации. Саймон и Поль Бонкур выступили с речами, явно враждебными гуверовскому предложению. Официальная печать Парижа и Токио приняла это предложение в штыки. Но американской дипломатии важно не это. Она добилась некоторых результатов уже тем, что нанесла удар тому антиамериканскому блоку, который сколачивался европейскими должниками Америки в Женеве и в Лозанне.

Итак, женевская конференция благодаря предложению Гувера внешне несколько оживилась.

Лозаннская конференция, наоборот, переживает критические дни. Работа идет безо всякого плана, заседания происходят сравнительно редко. Зато закулисный торг ведется довольно энергично. За время работ лозаннской конференции англичанам не удалось добиться от Франции единой линии поведения в отношении Германии.

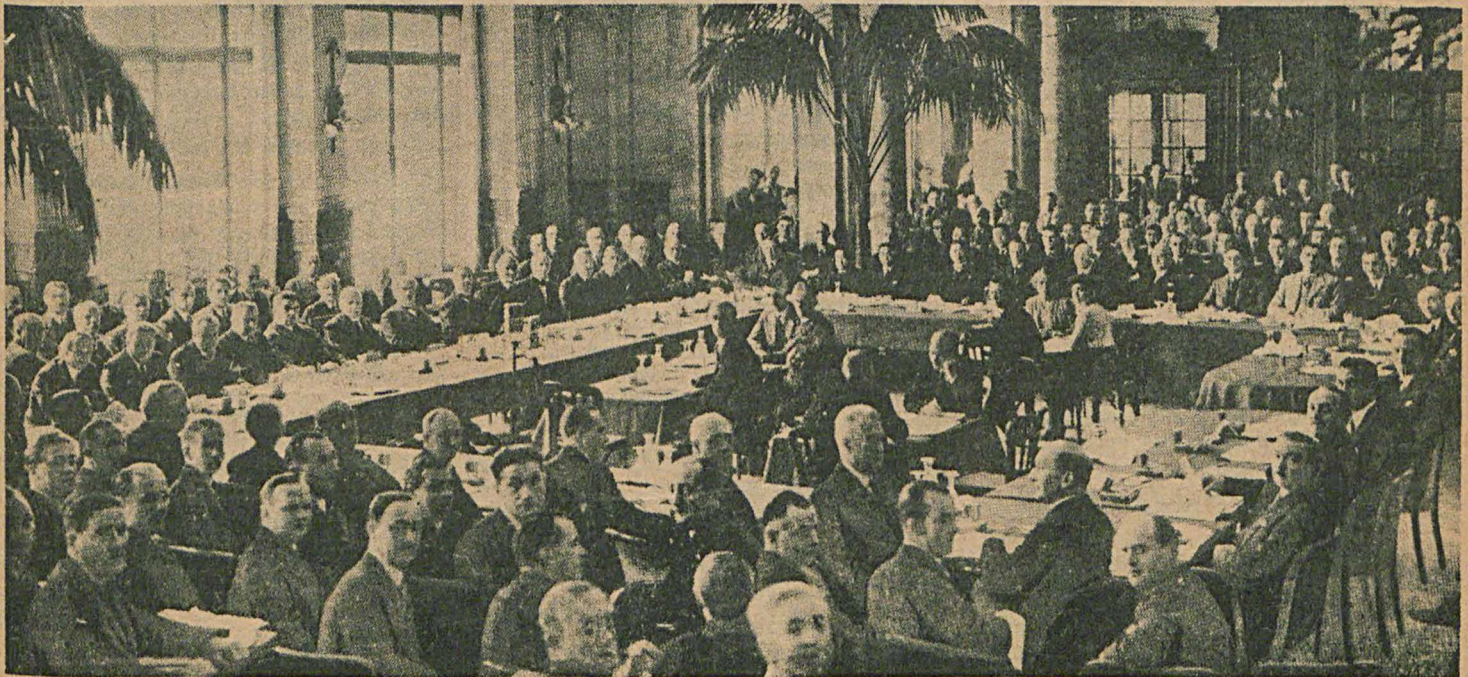
Отсутствие договоренности между Англией и Францией сказалось в туманной декларации держав, в которой говорится, что эти державы „не предпринимая окончательного решения вопроса, откладывают уплату репарационных платежей на период конференции“.

Таким образом, французы решили непосредственно договориться с немцами, и Макдональд, предоставляя это право Франции и Германии, делает лишь шахматный ход, желая снять с Англии ответственность за провал конференции. С другой стороны, если предположить, что Эррио и фон-Паппен все же договорятся до каких-либо определенных решений, то нельзя думать, что Макдональд безоговорочно подпишется под любым соглашением французов и немцев.

Фон-Паппен проявляет полную готовность договориться с французами, склонен к этому и Эррио. Но противоречия между двумя государствами слишком велики, и весь вопрос сводится к тому, чтобы найти какую-нибудь приемлемую формулу для замены репарационных платежей и их безусловной части каким-нибудь другим видом платежей, которые должна будет вносить Германия. Фон-Паппен в интервью с газетой „Матэн“ заявил, что он „с величайшей охотой платил бы репарации, если бы для этого имелась материальная возможность“, и что „ввиду неплатежеспособности Германии Франция имеет право на компенсацию“. Заявление фон-Паппена вызвало нападки на него со стороны оппозиционной германской печати.

Некоторые оживление на почтовом тракте Женева—Лозанна, наблюдающееся за последние недели,—оживление тактического характера, не имеющее существенного значения для дела мира и ликвидации репарационных противоречий.

Н. Ермаков

На открытии репарационной конференции в Лозанне

СТРАНА ПЕРЕДЕЛЫВАЕТ ЛЮДЕЙ

Первое стихотворение из цикла

Ночь стояла рядом с постовым,
Обступила темные дома.
И влезала в сонный магазин
Городская тонкая зима.
Было все спокойно на дворе,
Было все обычно за двором,
Лишь свистело в комнате моей
Пьяное от радости перо.
Я сидел лохматый и писал,
Строки колотились о виски.
Только кто-то в двери постучал:
„Извините, можно к вам войти?“
И вошел, пятнистый, как букет,
И прошел, спеша и семеня.
Грузный и растрепанный сосед
Надвигался прямо на меня.
Впрочем,—проще. Он без пиджака,
Покраснели перепонки век,
И откинута его рука,
Будто что-то держит он в руке.
Он ломает мой спокойный ритм,
Он забыл про рыжие штаны,
Он волнуется, он говорит:
— Послушайте, гражданин!
Я беден и стар. Я устал от забот,
Я пью с удовольствием бром.
Ах, как это страшно—всю жизнь напролет
Писать канцелярским пером.
Всю жизнь, все года мои я сидел,
И путь мой стеною встает:
Худой регистратор, седой управдел,
Седой и худой счетовод.
И перегородки скрипящая дверь.
Но ты замолчи и сиди,
Как будто бы ты полосатый, и зверь
От дойти до шести.
Безумные цифры, как звезды, горят,
И страшно. И слабость берет.
Восставшие шифры. Они говорят:
— Послушайте, счетовод!
Они не боятся тяжелых оград,
Вползают ко мне на штаны.
Противные цифры. Они говорят:
— Послушайте. Вы! От макушки до пят
Законченный мещанин!
Мы помним. Вы в старье, добрые дни
Вставали из-за стола
И перли туда, где любимая и
Дрожат полушария ламп.
И жизнь бы казалась пуста и проста,
Когда б неуверенность в том,
Что будет. И в ваших мечтах вырастал
Высокий и собственный дом.
В углы забегал перекрашенный пол.
Платили жильцы. Умножалась семья.
Сквозь все ваши железы он прошел
Железом и жалюзиями гремя.
Потом революция. Знамя и шквал
Несущиеся вперед.
Вы тем же остались. Невзрачен и мал
Засаленный счетовод.
Сидите, как сыч, с девяти до шести,
И вы—подхалим, блюдолиз,

Вы даже хотите скорее врасти
В идущий социализм.
Но мы не позволим,—они говорят,—
Вы слышите—никогда!
И цифры качаются, пляшут, горят.
И я отвечаю им—да!
Ну что ж! Я согласен. Я стар и обрюзг,
Я вижу хорошие сны:
Как будто я молод, как будто я рус,
Как будто привычек беспомощный груз
Не давит моей спины.
И я просыпаюсь. Я серый, как заяц,
Лежу, позабывши о сне;
Какая-то чисто звериная зависть
Растет и гуляет во мне.
Ее не сломаешь. Я слышу, я слышу,
Седает моя голова.
Я слышу—вы голос бросаете выше,
И рвутся и лезут на старую крышу
Раскрашенные слова.
Тогда я берусь за журналы. Они
Смеются и бьют в упор:
„Сидит размазанный мещанин
От этих до этих пор.
Кричат самовары, цветут канарейки,
Кастрилы кострами горят,
И фикус на исхудавшей рейке
Волтается, как акробат“.
Мне нечего делать. Мне некуда деться,
Ночами без света, без сна
Врывается в комнату чистое детство,
Далекое, как весна.
Оно пересыпано ветром и зноем,
Оно наступают звеня.
Лежит под тяжелой и мокрой землею
Моя неживая семья.
Ах, как это страшно. Выращивать грыжу
И ничего не уметь.
Единственный выход, который я вижу—
Немедленно умереть.
Я лягу на выпцветшую кровать,
И потом покроется лоб.
И тело мое, и радость моя
Вместятся в осиновый гроб.
И гроб провезут по худым мостовым
Туда, где сухая земля
И где разлетится, как розовый дым,
Мое неизвестное „я“.
Вы знаете. Так умирают машины,
На смену отжившим другие идут.
Я вам оставляю в наследство как сыну,
Костюм и ботинки. Веселье и труд.
Я жертвую жизнью. А вы веселитесь,
Влюбляйтесь, работайте, пейте.

— Сосед,—говорю я,—оставьте, садитесь,
Вы так говорить не смеете.
Вы мой старый и хороший друг,
Самый тихий и седой сосед.
Это просто—небольшой испуг,
Это просто—полночный бред.
— Обождите,—говорит сосед.
— Обождите,—отвечаю я.

Сквозь огонь и сквозь разруху лет
Вы прошли над цифрами сидя.
Цифры становились в диаграммы,
И сильнее, чем отряды слов,
Цифры бушевали за морями,
Били недоконченных врагов.
Цифры прямо приходили в школы,
Впаивались в каждую тетрадь.
Цифры помогали комсомолу
Крепости за крепостями брать.
Комсомольская моя бригада
Первой перешла на хозрасчет.
Нам, конечно, до зарезу надо,
Чтоб наладить правильный учет.
Вы, вот, слышали—мой голос бился
Сквозь густую полночь напролет.
Я сидел не просто, я учился,
Чтоб наладить правильный учет.
Вы завидовали мне, что песня
В негосгорающем идет огне.
Я завидую, что вам известны
Те дела, что неизвестны мне.
Я всю ночь почти не разгибался,
Цифры жгут и не дают остыть.
Я корпел, а утром собирался
К вам итти и помощи просить.
Мне смешно, товарищ мой по делу,
Мне смешно, товарищ дорогой,
Как вы не улыпали, как пела
Цифра о победе мировой.
Брови поседевшие нависли,
Может быть, поэтому, сосед,
Вы и не увидели, как числа
Побеждают в классовой борьбе.
Победим. И вы поймите это—
Радостью и славой звеня
На плечах пронесит пятилетку
Ваша настоящая семья.
И семья сильнее, чем обьятсьем,
Связана обветренным трудом.
И встанут проверенные братья:
Инженер, наборщик, агроном.
И семья проводит паровозы,
Паровозам делает колеса.
А какая радость и почет
Вас встречают на полях колхоза,
Где топорщится и зеленеет озимь,
Старый и почтенный счетовод.
Вы растете. Может незаметно,
Но уверенно и твердо—вверх.
За работою и над газетой
Делается новый человек.
Он встает веселым бригадиром,
Он ведет вперед сверканье слов,
И—хозяин небольшой квартиры—
Он владелец новых городов.
Значит—дружба. Значит—понимаешь?
То-есть, понимаете, сосед?
Значит—по боку провинциальный
Неумелый, полуночный бред.

Мне понятно, почему все это
Ведь любой сопливенький поэт

Утверждал, грем и скрежеща:
— Я увидел старого соседа.
Бей его! Уничтожайте этих
Дряблых и отъявленных мешан!
Он хватал паршивый карандашик
И писал—развязен и хвалим:
Счетовод! Канцелярист! И даже:
Мещанин! Растратчик! Подхалим!
Говорил, что до последней капли
Вы похожи на своих отцов,
Он одел вас в неживое платье,
Дал недоумение на лицо.
Он развлекал подлых канареек,
Фикусы поставил и сказал:
— Из такой ужасной галереи
Мещанин отнюдь не вылезал.

Он поставил узенькие рюмки,
А потом подумал и сказал:
— Из такого жирного безумья
Мещанин почти не вылезал.
И таким, раскрашенным и малым,
Вы, строитель и сосед, прошли
Сквозь стихи и сквозь листы журналов
Мещанин, растратчик, подхалим.
Вы дрожали над своею шкурой...
Для борьбы с такой литературой
Будто молнию и словно гром
Подымаю новое перо.
Это мне не только показалось;
Вы прошли сквозь радость новых лет,
Думая, читая, изменяясь,
Многоуважаемый сосед.

Вы росли почти со всей страной,
Вы пером рубали на фронтах,
Вижу я за вашей сединою
Опыт, вдохновение, размах.
Вы забросили покой и скуку,
Вам работать, строить и мечтать.
Двести строк протягивают руки,
Чтобы вашу дружески пожать.
А страна растет и вырастает,
Учится и требует: учись!
Голову, которая седа,
От моей почти не отличить.
Что ж, сосед, давайте, что ли, оба
Чаю выпьем. У меня есть шпроты,
А потом засядем за учебу,
А потом засядем за работу.

Письмо Муреля

Глава из сатирического романа „Мастерская Человеков“
Ефима Зозули

Дорогой Капелов, я исполнил вашу просьбу. Я наблюдал прохожих в центре города Москвы в трудовой полдень, многих из них записал и подробный доклад отправил к вам. Не знаю, получили ли вы? Я писал вам о том, что нервность проглядывает у многих. За двадцать минут наблюдения на Петровке прошли три человека, которые разговаривали сами с собой. Один из них был высокий, с портфелем. Он говорил самому себе речь и при этом энергично жестикулировал свободной рукой. Трудно сказать, что его обуревало: грандиозный план, реорганизация, борьба с кем-нибудь, или это был обиженный—из типа тех малонаходчивых людей, которые ответы на выдвинутые против них упреки или обвинения блестяще произносят через несколько часов или через несколько дней, но зато уже очень остроумно и убедительно? Жаль только, что произносить их приходится самому себе, так как слушать их больше никому. Кстати сказать, в Москве это обычное явление: люди очень заурядные, „держать ответ“ приходится очень часто, и люди часто попочут всякую чепуху, но уже зато потом, оставаясь наедине или шагая по улице, придумывают удивительно остроумные и правильные ответы. Вот почему разговаривающих с собою можно часто видеть на улицах Москвы.

Затем я писал вам о том, как небрежно ходят в Москве, как часто толкаются и, вместо извинений, обжимают друг друга уничтожающими взглядами. Я писал вам об огромном количестве людей с уязвленными самолюбиями, о раздражительности, происходящей от спешки и тесноты, о нетипичности московских фигур, одежд и лиц, о том, например, что скуластый человек с большим ртом и вздернутым носом может оказаться очень знающим, интересным и глубоко мыслящим, подлинно интеллектуальным и передовым человеком—в то время, как человек с „породистым“ лицом, большими глазами, длинными ногтями и десятками других признаков „высокого“ происхождения может оказаться насквозь невежественным и „побитым“ по элементарному знанию жизни любым пионером.

О многом другом писал я вам, но особенно я остановился на нескольких отрицательных фигурах. Первую из них я назвал шкалом. Я его легко узнал на улице. Это был коротковатый чистенький

человек. Все на нем было приятно пригодно: все на месте и все вполне соответствовало „эпохе“: ботинки почищены, но не так, чтобы это отдавало снобизмом—чуть-чуть они все-таки были запачканы, чтобы видно было, что человек не очень думает о блеске на них. Его френчик точно в таком же „стиле“: очень пригнан, перешит не без цегольства, но пуговица у воротника отстегнута (маленькая лихость, допустимая для ответственного работника). Волосы были у него причесаны, но один клок молодого и „буйного“ свисал на лоб. Это тоже допустимо и даже до известной степени „полагается“. Лицо молодое. Глаза голубые, открытые, как будто смелые и как будто честные. И кому придет в голову, что это самая неуловимая гнуснейшая разновидность самых безжалостных паразитов, с которыми жестоко борются советская власть и коммунистическая партия. Он не растратчик, не преступник, даже не особенный бюрократ. Он—типичный представитель другой породы шкалов. Он—духовный вор, похититель чужих мыслей, идей, планов. Он живет соками чужого мозга. Он „заведует“. Как скромно, потупясь, он принимает похвалы за то, что ему не принадлежит, за то, что выдумали и сделали его секретарь, помощник, заместитель! Какое у него умение подбирать таких помощников, которых можно грабить! Как ловко он умеет высасывать чужую инициативу! Как он умеет безжалостно пить цвет чужой мысли! Слизывать пенку с чужого духовного кипения! И с теми же голубыми и немигающими глазами, с той же внешностью, скромной, средней, порядочной внешностью советского работника выдавать это за свое. Вряд ли ему даже приходит в голову, что он держится на чужой крови. Впрочем, он это прекрасно понимает. Так или иначе, высосав помощника, он его выбрасывает. Совершенно бездумно: по сокращению штатов, по рационализации—как угодно. По улицам он ходит спокойно. Он жизнерадостен. Он улыбается. У него белые молодые зубы. У него, мерзавца, вид хорошего парня, и он нравится людям. В Мастерской Человеков нам нужно его исследовать обязательно. Это ужасный тип. Правда, с ним серьезно борется советская общественность, но все-таки он еще гнездится в достаточном количестве. Будьте добры ответить мне: получили ли вы мое письмо? Я писал там еще о многом,

Теперь вы просите меня продолжать наблюдение над московскими прохожими. Охотно это сделаю. Москва стала неузнаваема. Асфальтированные улицы и площади вытягивают москвичей из домов. Улицы стали более людными. Теперь не только бегут на работу и с работы, а ходят с явным удовольствием, совершенно не спеша. Мне нужно ловить находку людей, нужных нам для переделки и изучения в нашей Мастерской. Я могу более спокойно наблюдать их и в допозднение к прежнему, отрицательным и положительным типам могу вам добавить следующих:

Во-первых, склочника. Его нам надо изучить особенно основательно. Сколько у него разновидностей! Сколько оттенков! Как он разнообразен в своей технике! Многие из разновидностей этого типа я узнаю на улице. Вот идет один. По моему, один из самых опасных видов склочника. Несет портфель подмышкой, смотрит по сторонам невинно-созерцательными и средне-лукавыми глазами. Говорливый, неопытный склочный рот его будничной скудной скобой висит под носом. Уши, большие склочные уши, свисают из-под фуражки в тревожной настороженности. Ноги и руки у него тоже склочные: не прямые, не ясные. Чего он хочет, склочник? Он приходит утром в учреждение и сразу же начинает излучаться его отравленная энергия. Кто-то выдвинулся, что-то сделал интересное и нужное, сказал, написал,—надо немедленно опомлеть, написать какую-нибудь бумажечку, сделать пакость, донести кому-нибудь, натравить кого-нибудь, устроить запрос по телефону, вызвать, смутить. Что это? Зависть? В некоторой степени, конечно, и зависть, но склочник не совсем завистник. Ему просто скучно. Он твердо сознает свое ничтожество. У него периодические припадки глухой злобной тоски. Его раздражает всякая инициатива, его беспокоит блеск, радость, великолепие, пышность и сложность жизни. Он не понимает, зачем, для чего так быстро, бурно, ликующе действуют вокруг, говорят, двигаются, работают, строят.

Но он знает, твердо знает, что нельзя выказывать прямо свою тоску, неумелость, вялость, пустоту, отсутствие интереса, отсутствие аппетита к жизни. Этого нельзя проявлять. Поэтому он корректно возражает, иногда даже с улыбкой и всегда с „деловыми“ интонациями:

— Нет, товарищ, это не конкретно,—то что вы предлагаете. Составьте план.

Он подхватывает все последние требования. Он воспринимает все лозунги, все директивы и все пускает на замедление жизни: на торможение, на пакости, на трудности. Как клоун в цирке, он мечется среди раскладывающих ковер, мешает всем, толкает всех, но отличается от клоуна тем, что никого не смешит, а наводит на всех уныние, тоску и раздражение. Он „борется“ со всеми, „блокируется“ с одним против другого, но, в сущности, ему все равно, с кем „бороться“.

Дорогой товарищ Капелов, склочника нам особенно придется изучать в Мастерской Человеков. Для того, чтобы его переделать, надо его знать. Основа склочничества—это учрежденческая недогрузка, это подмена подлинного дела заседательской суетней, чиновничьим бездельем, писанием идиотских бумажек и телефонной трепней (конечно, на фоне какой-нибудь незначительности, ибо где ее нет—там склочников меньше).

На улице я узнаю их безошибочно. Вот один садится в автомобиль. Он приятно улыбается, прощаясь. Это ласковый, улыбающийся склочник. У него приятная внешность. Он улыбается, превеличественно радостно хохочет, всех „устраивает“, всем обещает и всем за спиной портит, вредит, останавливает дело, искажает его, тормозит его. Вот другой с вывороченными глазами, узкогрудый, осторожный, медлительный. Он сам никогда ничего не делает. Он только натравливает. Но как он умеет это делать! С невинным видом он „информирует“. Какое у него умение правдоподобно обогатить все, что угодно! В его отравленных устах любой факт мгновенно получает совершенно иное, зловещее освещение.

Когда я вернусь в Мастерскую Человеков, мы обязательно разберем на самые мелкие части основные разновидности склочника и до конца разберемся в том, что их питает.

Теперь дальше. Улучшившиеся условия жизни реконструктивного периода создали своеобразный тип „милого“ человека. Его тоже можно часто видеть на улицах Москвы. Он хорошо одет, благополучен, приветлив. Он очень хорошо выглядит на свежем фоне заново покрашенных домов и гладких мостовых. Однако, вред от него весьма значителен. Он очень „милый“ человек. Он готов никому ни в чем не мешать при одном только условии: лишь бы его не трогали. Он подает руку швейцару и трясет ее, как руку старого друга. Он приезжает на заседание подведомственного ему учреждения и по глазам местных работников узнает, какой вопрос надо положительно разрешить, какой отрицательно. Ему это глубоко безразлично. Способность возражать или отстаивать атрофирована в нем. Он мгновенно выясняет, кто сильнее и кого надо „поддерживать“. Чтобы застраховать себя, он принимает положительное предположение с рядом отрицательных поправок, а отрицательное предположение с рядом положительных поправок. Якорек заброшен на всякий случай, спасательный круг у него всегда подмышками и он всегда на поверхности воды. Схема разговоров с ним примитивна, как шекспировский разговорчик о дожде:

— Видите ли, товарищ Иванов, смета у нас восемьдесят тысяч, и мы настаиваем...

— Совершенно верно, восемьдесят тысяч. Да, да.

— ...Но мы настаиваем, чтобы довести ее до двадцати тысяч.

— Ну, да, совершенно верно, до двадцати тысяч.

— Но рабочие настаивают, чтобы восемьдесят тысяч.

— Ну, конечно, я же говорил, что надо восемьдесят тысяч.

— ...Но в комитете согласны только на двадцать тысяч.

А иногда он просто говорит:

— Слушайте, товарищи, давайте что хотите, но чтобы было благополучно и тихо. Главное—тихо. Пожалуйста, только без историй.

Он испытывает томление, беспокойство, раздражение, когда нужно что-то решить. Он сыплет излюбленной фразой: „Не в этом дело, товарищи. Не в этом дело“,—повторяет он сочно и убежденно:

— Не в этом дело! Надо конкретизировать вопрос! Уточнить надо!

Теперь в советских учреждениях введено единоначалие. Тип „возглавляющего“ бездельника, который не в состоянии „один“ решить что бы то ни было, будет отброшен самой жизнью, но пока он все-таки еще существует, и нам надо будет подробно в нем разобраться, чтобы узнать его корни и, по возможности, подрезать их.

В прошлый раз я вам писал еще о советском дураке. Повторяю: очень жаль, если письмо затерялось. Настоящим сообщая вам, что советский дурак еще существует. На московских улицах можно еще видеть и пышного советского дурака и другие его разновидности. Дура у советского дурака не скрыта. Она свисает с его носа, с его самодовольных губ и бровей. Она раскачивается в его глупом ритме рук и ног. Но все это, если пристально взглянуть. Вообще же говоря, он горд. Можно считать неизлечимым положение, что подлинному советскому человеку и подлинному коммунисту не свойственно чванство. По самой природе не свойственно. Но чванство дурака не знает пределов. Он говорит плоско, штампованными фразами, чрезмерно серединой и с большим трудом приближается к норме, но спесь его буквально неистощима. Творцы, герои, ударники, вожди, бригадир, инициаторы, энтузиасты ходят озабоченные,—они часто седеют раньше времени от грандиозных задач, стоящих перед ними, и трудности в их разрешении. А этот ходит по повенкам мостовым и сияет глупым носом на всю улицу. В учреждении он говорит людям: „Короче! Выразайтесь яснее“. По улицам он ходит, как хозяин жизни. Он расставляет в стороны короткие глупые ноги.

Не малое количество можно видеть подхалимов, но о них уже много писалось, и в Мастерской Человеков мы разбирались в них достаточно. Новое других является разновидность гордого подхалима, т. е. сохраняющего видимость независимости. Он выступает как будто против начальства, говорит решительным тоном, но с тем же гордым и неприступным видом он в конце речи делает неожиданный поворот и бурно повторяет в точности положение на чальства.

Из мелких типов бросается в глаза стяжатель, неусыпный приобретатель, проникающий в „закрытые распределители“, врывающийся во все витрины, виртуозно добывающий бумажки и карточки, запащающийся бесконечным количеством ботинок и всего, что видит, в вечной болезни, что ему нехватит.

Несколько сократился шептун, распространитель слухов. По крайней мере, на улице реже встречается его испуганный рож с круглыми глазами и губами, вытянутыми по направлению к ушам собеседника. За его счет развился анекдотист. Он хихикает на каждом перекрестке.

Иногда бывает, что двое останавливаются и после краткого скомканного приветствия немедленно начинается: „Рабинович приходит к доктору...“ Даже шоферы уже знают, что если на мостовой стоят двое и хохочут с визгом и скрипом, то надо брать за тормоза: никакие сигналы не помогут. Но это открытые, простодушные, примитивные анекдотисты. Есть более усложненный тип. Бывает, что проходят двое или трое, на вид очень серьезные, с портфелями, лица нахмуренные, сумрачные, головы наклонены одна к другой, а послушать, так то же самое: „Однажды приходил Рабинович...“

Вообще, бездельник еще занимает достаточно место в нашей жизни. Есть большие мастера по умению не работать и, тем не менее, изображать из себя занятого человека. Есть даже „теоретики“ на этот счет: „Если работать, говорят они, то всегда будут ошибки. Нет работы без ошибок“. И они специализируются на том, чтобы заставить работать других, приезжать в учреждение на несколько минут, под всеми предлогами уходить, уезжать, делать занятой вид, распекают кого-нибудь, подтигивать и т. д., но только не работать самому.

Есть еще много отрицательных типов, которых можно наблюдать на улицах Москвы. Исполняя ваше поручение, я насчитал их немалое количество. Обо всех я напишу вам еще в следующих письмах, а сейчас я, согласно вашему заданию, остановлюсь на положительных. Они менее бросаются в глаза, порою они и вовсе не заметны—таково уж свойство положительного типа.

Вот идет по улице человек. Собственно, это—лучший человек нашего времени. Это—человек, которого никто не может описать. Это—герой пятилетки. Вот посмотрите на него. У него простое, рабочее лицо. Он одет просто. На нем обычный френч, пальто, сапоги. На его голове обычный советский картуз. Ничего особенного он собой не представляет. Вы можете видеть его всюду тысячами на улицах, на собраниях, в трамваях, в театрах. Тем не менее, повторяю, его никто не может описать. Все писатели стараются дать образ героя пятилетки, но пока еще немного удачных попыток. Почему? Много есть причин для этого. Но главная—это скромность подлинного героя. В чем его героизм? В том, что он незаметно делает великое дело. В самом деле, в первый раз за всю историю человечества рабочий может планомерно и планомерно улучшать жизнь своего класса, осуществляя социализм. Он имеет возможность делать свое родное дело. А как же в родном деле проявляется героизм? С ним не понимает, в чем его героизм. Когда мать спасает ребенка, то будет ли она потом описывать свои усилия? Помнит ли она их? А если помнит, то будет ли она много останавливаться на том, что ей пришлось проделать?

Вот идет передовой рабочий. Для того, чтобы выполнить грандиозный план, сколько ему приходится делать усилий—незаметных, невидных? Он думает, не спит, бережет станок, придумывает что-то, чтобы меньше уходило масла, чтобы рациональнее работал каждый винтик, чтобы увеличилась продукция, чтобы улучшалось качество. Потом приходят к нему и говорят: „Ты герой. Опиши свой героизм или мы тебя опишем“. В большинстве случаев он не понимает, в чем его героизм. Ну, конечно, он старается и сам писать и рассказывать. Это нужно. Нужно передавать опыт. Нужно показывать пример. Он понимает. Но все-таки очень трудно сказать, почему, если дело родное, оно делается

по-родному. Опять-таки: трудно матери хвастать тем, что она сделала, чтобы ребенку было лучше. Это тысячи усилий, о которых трудно рассказать. Многие рабочие даже сниматься не хотят: завидев фоторепортера, они машут рукой и уходят.

Вот он ходит по улице, герой пятилетки. Что можно сказать о нем? Он не эффектен. Он очень скромен. О нем трудно писать.

Согласно нашему плану, мы в Мастерской Человеков обстоятельно исследуем нескольких людей пятилетки, из чего они состоят. Я знаю, они не механизмы, а живые люди. Они меняются и растут. У них бывают падения и взлеты, срывы и подъемы. У всех есть недостатки. Они растут на труде—вместе с временем. Они растут вместе с эпохой, вместе с исторической миссией класса, и мы должны в Мастерской Человеков подробно исследовать, как меняются люди восходящего класса, как складывается тип нового человека.

Пока черты нового человека проявляются отдельно. Они редко бывают собраны.

Вот идет молодой парень. На нем значек ударника. Он спорит о чем-то с товарищем. Его ясные мужественные глаза, гордые и решительные складки у губ—черты нового человека. Какие же это черты? Прежде всего—вера в жизнь, спокойная уверенность в победе. Но тут же из уст исходят, наряду с живыми, мертвые, использованные, изжитые, банальные слова. Вылетает грубейшая бессмысленная ругань. Что это? Это—от старого.

Очень многое новое еще не освободилось от липких притязаний старого. Однако на улицах Москвы можно видеть много новых людей.

Часто можно видеть, например, уверенного человека. Не самодовольного, а уверенного. Его шаги упруги, движения спокойны и властны. Взгляд его зорок. Он смотрит на все, как хозяин. Он морщится от грязи, сора, беспорядка, лишней толкотни, лишних людей. Он не огрызается во время мелких неудобств, тесноты и происходящих из-за нее мелких столкновений. Он хозяин. Он думает о том, как устранить неполадку, трудность, отсталость. Он стыдит пьяного и убеждает его идти домой, не обращаясь к помощи милиционера. Часто он сам отводит его. Он терпеливо объясняет нищему, что есть возможность получить работу и прекратить нищенство, он говорит ему, где получить ее.

Он внешне почти совершенно незаметен и пока еще ничем не отличен, этот спокойный, уверенный, сдержанный, вежливый и сильный хозяин. Но он уже занимает большое место в жизни. Кто он? Иногда это парень, вузовец с голой грудью, виднеющейся из широко расстегнутого ворота рубашки. Он занят беседой с товарищем. Он говорит о своих делах. В руках у него книга. Но в любую секунду он готов на гражданский акт. Он не замкнулся в себе. Он чувствует себя хозяином, и все, что происходит вокруг, непосредственно его касается.

Иногда это румяная круглая женщина. Она в платке или в косынке. Она тоже ничего "особенного" собой не представляет. Но вдруг оказывается, что она ударница. Она просто, ясно и четко говорит. У нее есть опыт по разрешению общественных вопросов. Она спокойно объясняет озабоченному гражданину, который недоволен очередью, теснотой, каким-нибудь

видом нашей отсталости или неваляженности,—причины неваляженности и говорит о том, как их надо устранить. Она чувствует себя хозяйкой улиц, домов, заводов.

Иногда это пожилой человек в рабочей куртке. У него большой стаж. Он бригадир. У него большой опыт, чем у других. Он привык распоряжаться на заводе. Он чувствует себя хозяином. Но и тут, на улице, на другом конце города, он тоже чувствует уверенность в себе. Эти улицы и дома так же принадлежат ему, как и станки его завода. Ему есть дело до всего. Вот он взял беспризорного ребенка и отводит в приемник. Беспризорный плачет и отбивается, но крепкая рабочая рука не отпустит его, а простые и ясные слова, в конце концов, убедят беспризорного, что пора кончать уличное бродяжничество.

Еще бросается в глаза на улицах Москвы—занятый человек. Не рассеянный и не озабоченный, не встревоженный и не говорящий сам с собой (о котором я упоминал в начале этого письма), а именно занятой. Он серьезен. Он озабочен делом.

Вот он входит в магазин. Он держит в руках список. Ему нужно купить много вещей. Ясно, не для себя. Слишком длинный список. На нем парусиновый плащ. Повидимому, он приехал из колхоза, совхоза, с участка далекого строительства.

Вот еще занятый человек. Интеллигент. Молодой инженер, архитектор, ученый, специалист. По всему его облику видно, что он занят, он занят серьезным делом. Ответственным и важным. Он думает, соображает, но он нисколько не растерян. Он знает дело, которому посвятил себя.

Пожалуй, ни в одном городе нельзя видеть такого большого количества занятых людей, как в Москве.

Довольно характерен для Москвы человек, которому интересно жить. Тут требуется оговорка. Многие, очень многие жалуются, что советская жизнь серьезна, чересчур серьезна, что очень мало развлечений и т. д. И все же это несомненно: всмотритесь в прохожих на улицах Москвы и увидите, что многим, очень многим интересно и радостно жить. Не может быть скучно вот этому парню с книгами. Он учится, растет, свободно развивается и крепнет. Молодость и жизнерадостность излучается от каждого его движения. Не может быть скучно и вот этой девушке, и вот этой, или вот этим двум красноармейцам, весело шагающим, несомненно, по каким-нибудь веселым делам. Слишком размахисты их шаги, слишком оживленно размахивают руки. Это даже немного легкомысленно для военных.

Не может быть скучно вот этой ватаге комсомольцев, которые со смехом и почти криком, толкая друг друга, занимая тротуар и часть мостовой, проходят по улице—очевидно, с собрания.

— Не о том идет речь, не о том,—кричит один из них, в синей рубашке, высокий и настоящий,—речь идет о демократической централизации. Понимаешь, о демократической централизации.

Даже вот этому немолодому человеку, задумчиво шагающему по тротуару, тоже интересно жить,—несмотря на озабоченность и задумчивость. Он у себя на работе или службе что-то изобрел, придумал, рационализировал. Ему трудно, но интересно.

Скукающих лиц на улицах Москвы очень мало. Преобладают одухотворенное, обеспокоенное лицо—занятое, целеустремленное. Молодежь, когда ходит даже неболь-

шими группами, почти всегда поет. Энтузиазм, бодрость, интерес к окружающему чувствуется в очень многих.

Все более и более становится распространенным и тип *любопытствующего* прохожего, не только разглядывателя витрин с целью приобрести что-нибудь для своей квартиры. Углубленное хозяйское ощущение вызывает интерес и любопытство к своим владениям.

Никогда еще не было столько туристов, экскурсантов, как в советской стране. Дети, юноши, взрослые маленькими и большими группами, индивидуально и целыми отрядами, с руководителями и справочниками бродят по всей стране и очень много по улицам Москвы. Им до всего есть дело: до музеев, бесчисленных выставок, очагов культуры, общественных учреждений, домов, площадей, достопримечательностей, до истории, до текущей действительности и до самых отдаленных будущих планов...

Однако любопытство и интерес не только у них, но и у тех, кто не является туристом, а долго живет в Москве. "Старожилы" еле успевают следить за ростом города.

Огромная и разнообразная работа идет на улицах Москвы. Строятся дома, устанавливаются леса для ремонта, для окраски, обновляют мостовые, укладывают брусчатку, клейнят асфальт, льют асфальт, гидруют.

В переулках, на пустырях готовят бетонную смесь.

Грузовые автомобили задним ходом приближаются к бетономешалкам, механически нагружаются. Они увозят смесь для того, чтобы немедленно опять вернуться за новой дозой.

Меняются облики улиц, площадей. Разрушаются старые здания. С высоких и ветхих колоколен по деревянным желобам, кирпич за кирпичем,—рушится старое. На многих улицах прокладывают трамвайные пути, водопроводные трубы, и всюду, поскольку позволяет всеобщая московская занятость, стоят любопытные, стоят интересующиеся и смотрят на процессы работы, смотрят с радостью, с гордостью.

Но есть, конечно, и такие, которые смотрят хмуро, с плохо скрываемой ненавистью...

Часто работы бывают очень эффектные. Большая площадь покрывается гудроном в полторы суток.

Идет работа днем и ночью, при свете прожекторов. Огромные тяжелые машины утаптывают гудрон.

Грохочут автомобили, пылают котлы, черные фигуры людей мечутся между механизмами и горячим материалом. Синеватый туман, прорезаемый лучами прожекторов, стоит над площадью...

Дома обновляются. На многих улицах моют асфальтированные мостовые. Разве это виданное зрелище для Москвы? Многие, очень многие стоят и долго-долго смотрят... Многие со службы идут не домой, а сначала на разные участки городского строительства, чтобы посмотреть, что сделано за рабочий день, за очередную смену.

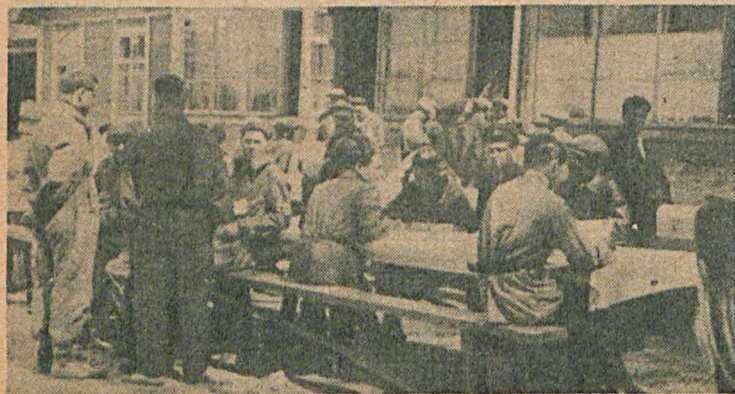
Дорогой Кафелов, вы сами понимаете, что всего сразу не опишешь—богата Москва и бесконечно разнообразны ее люди. В Мастерской Человеков предстоит уйма работы—многих, очень многих нам нужно будет еще понаблюдать и изучить прежде, чем их переделывать и по их образцам делать новых.

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ШОССЕ

Очерк Е. Калинин.

Летнее московское утро. Небольшая кучка людей возится у вереницы машин. В скромной деловой обстановке дается старт автомотопробегу, — первому безрельсовому походу „Динамо“ по маршруту Москва — Ленинград — Москва.

После короткой летучки по техническим вопросам колонна ровной цепочкой со стометровым интервалом вытягивается по шоссе. Ведет командор на гоночном восьмицилиндровом „Штутце“, за ним размеченные номерами десять Фордов,

На остановке. Заседание редколлегии походной газеты

одиннадцать мотоциклов — „Харлей Давидсон“, „Ариэль“, „Цюндапп“, „БСА“, „БМВ“, замыкает колонну грузовик с литературой, запасными камерами и колесами.

На шоссе часто перемежаются булыжник, асфальт, гудрон, щебенка. Это — опытный подмосковный участок, на котором испытывается пригодность различных одежд полотна шоссе.

Контролер, сидящий рядом с водителем, рассказывает ему об особенностях ближайшего перехода, о мостах, о состоянии дороги, предупреждает о железнодорожных переездах, выражах. Полная аннотация дороги была составлена заранее командором, проделавшим этот путь перед пробегом.

Движущаяся цепь людей делает большое дело. Люди эти — пыльники, сознательно втянувшиеся в ураган созидания своего государства. Они преследуют агитационно-массовые задачи за распространение займа 4-го завершающего года пятилетки. В каждом городе, на каждой остановке наша колонна организует митинги и собеседования. Помимо агитационного пробега имеет и спортивное назначение: испытываются молодые водители, члены секции. Они растут, становятся опытные после каждого пройденного километра.

До горизонта тянутся колхозные поля, теряются в предзакатном тумане. Кое-где виднеются трактора, тяжелой походкой своей так не похожие на своих собратьев, проходящих мимо — легоньких машинок. Около деревень дремлет на дороге скот, еле-еле поднимаемый нашими гудками, а косматые сторожевые псы, облепленные репейником, добросовестно стараются вцепиться в резиновые ноги машин. Морщинистые старухи выглядывают из оконцев и в дреме, как примус, шуршат про себя.

— Левая задняя, — чуть пофыркивая от налетевшей в рот пыли, говорит товарищ. Вслед за этим чувствуется наклон и слышится шлепанье по мостовой освещенной покрышки. Водитель лезет под машину, накручивает домкрат, упирается в насос. Согнутую спину жадно палит

солнце, на замасленных согнутых руках буграми вздуваются вены, и на плечи с лица, как по воцеловой бумаге, скатываются ручейки пота. Контролер фиксирует остановку (норма починки — 8 минут), фотографирует водителя. Ремонт окончен. Продолжаем путь дальше, до следующего гвоздя — нашего злейшего вредителя, до следующей починки.

Проходим Клин, где на городской площади большой колхозный базар. Бросается в глаза обилие глиняной посуды различных цветов и фасонов; в палатках „Мосторга“ колхозники получают промтовары.

От Клина дорога хуже. И без того у Форда есть привычка, что называется, жрать резину, а тут еще частые выбоины и совершенно изнуряющая жара, которая, как известно, тоже основательно влияет на состояние покрышек. Несмотря на пыль и жару, наши

починки, которые обычно бывают в деревнях, полностью компенсируются. Вокруг нас немедленно же создается кружок из ребятишек, прибежавших со всех ног посмотреть на диковинку, и из крестьян, степенно сошедшихся поглядывать с москвичами о своей крохотной колхозной республике, о колхозном базаре в городе и распробить поточнее о новом займе. Подробно, насколько позволяет остановка, рассказываем им, раздаем литературу. Радеем, что перед нами уже оформившийся тип колхозника, сознательно мыслящего, что он уже полноценная единица многомиллионной армии рабочих.

В Твери в 169 километрах от Москвы первая остановка. Здесь немного отдохнем, направляем машины. Какой свежей кажется чистая холодная волжская вода после маслянистой придорожной пыли, которая буквально задепила лицо.

Но удаляются звуки провожавшего оркестра, скрываются высокие трубы Тверской Мануфактуры. Снова вдаль, мимо телеграфных и километровых столбов, быстро убегающих от нас, как бы спешащих обратно в Москву. То и дело пересекаем речки и ручьи, полные до краев бревнами, медленно следующими по течению. Это — Мариинская система, которая тянется от Ленинграда по озерам и речкам до самой Москвы. Сплачивается лес — сырье для нашей бумаги, смола, химикалии, подпорки для пахта, идет наше зимнее тепло — березовый швырок. Когда-то здесь, около Вышнего-Волочка, крепостные крестьяне волоком, через запяны, таскали на себе огромные еще более отяжеленные от воды бревна и именно здесь на самом высоком подеме и был труднейший перевал. Отсюда и название — Вышний-Волочек. В самой черте города, исцеленного каналами, тоже текут эти древесные реки. В Волочке отдыхаем мало. Сразу после заправки машин идем на митинг, на ткацкую фабрику, а затем стартуем на Валдай.

У этого города тоже есть предание. Когда-то, давным давно здесь зверски хозяйничали шайки разбойников, нападая

на проезжих купцов. Обычно выкупом за жизнь служили волю. Волю отдай — тогда и жив останешься. Волю отдай — Валдай. На площади большой митинг. Делаем доклад и мы и местные представители.

Уже начинает темнеть, когда выезжаем на Новгород. А жаль, это — один из самых худших, в смысле дороги, переходов. Трудно было ожидать большой выдержки от водителей, уже основательно уставших. Подступом к этому старинному городу, когда-то столице российской, является изумительная пятикилометровая дамба, по обе стороны которой расстилаются до горизонта гладкая поверхность озер. Здесь было так тихо, что казался издевательским шум, вносимый моторами и треском сухих веток под резиновыми подковами наших металлических коней.

Город разрезан стальной лентой Волхова, отражающего кремлевскую стену с полузасыпанным рвом, башнями, бойницами, колокольней „о пяти колоколах“. На голубевшей от фонарей воде распластались рыбацкие лодки, плоские, как лопухи. Здесь, в Новгороде, насоро сколоченная редколлегия, отказавшись от сна, выпустила путевую газету. Спешно печатались снимки, сделанные в дороге и для газеты и для путевого альбома.

В аннотации написано „От Новгорода до Чудова прекрасная дорога, пугливые крестьянские лошади и шаловливые дети“. Все оправдалось. Дорога вела чрезвычайно гладкой и ровной лентой, без возвышенностей, ухабов и низин. Зато, чем ближе к Ленинграду, тем тяжелее становилось водителям.

За тридцать километров до Ленинграда зарокотала барабанная дробь, теснее сдвинули ряды встречавшие нас ленинградские динамовцы. И наша колонна подошла к финишу... На следующий день мы стартовали уже на Москву.

Значение пробега, конечно, не в том, что водители машин получили три премии, а водители мотоциклов — две, но в том, что положено хорошее начало тренировок водителей не на гладком шоссе и не на коротком переходе, а в реальной обстановке наших советских шоссеинных дорог, а самое главное — в том, что на деле осуществлена задача пробега — популяризации в массах займа завершающего года пятилетки.

Командир пробега, нач. орг. комитета и нач. агит.-массового комитета у старта.

ФУНДАМЕНТ ВТОРОЙ ПЯТИЛЕТКИ

Очерк Ил. Полтавского

И в царские дни были у нас такие слова, которые считались непереводаемыми, так „в подлиннике“ и приводились иностранцами. Это были слова „Кнут“, „Погром“, в лучшем случае, „Самовар“ и „Водка“.

Теперь в качестве таких вот непереводаемых слов в железный фонд языков всего мира прочно вошли: „Совет“, „Большевик“, „Пятилетка“.

Количество этих новых непереводаемых слов все растет. Сюда относятся, например, понятия, касающиеся новой культуры труда: ударничество, соцсоревнование, массовое рабочее изобретательство. Всего этого за рубежом нет и быть не может. По этой же причине непереводаемым является и наше простое, все крепнущее слово „Заем“.

Чем дальше отплываем мы от старых берегов в безбрежное море новой жизни, — тем больше в нашем быту непонятного на взгляд даже и наиболее культурных иностранцев.

— Что это такое? — спрашивал меня на днях любознательный мистер в ставших шаблоном для иностранного туриста больших роговых очках и неожиданно-лиловом костюме, напоминавшем знаменитый чичиковский фрак „наваринского дыму с искрой“: — Что это такое?

Речь шла о небольшой заметке на 4-й странице газеты. Бригада ударников, резко повысив норму выработки, подала заявление о снижении расценок.

Дело — самое обыкновенное. Но мистер в лиловом костюме никак не мог понять сути.

— То-есть как? Значит они сами, по своей воле, снизили расценки и уменьшили свой заработок. Как же это?

Максим Горький, откликаясь на заем 4-го завершающего года, указал: — Дать займа своему государству, — не значит ли это переложить деньги из правого кармана в левый?

Телеграммы со всех концов СССР сообщают: „Грузчики в Мурманском порту подписались на 136% месячного заработка“. „Колхозники Одесщины опередили по темпам реализации займа все области Украины“. „Рыболовы на траулерах Поллярного района дали 140% подписки“...

По всему Союзу — и в тайге Биро-Биджана, и в песках Каракума, и в горах Дагестана — с первого же дня объявления нового займа зашевелились, заторопились люди. Деньги по новому займу везут отсюда, где ездят на верблюдах, на собаках, на оленях. Подписка на заем „Третьего пятилетнего“ за первые 10 дней дала 587 миллионов. Нынешний заем за первые 10 дней размещен на 1 678 534 тыс. руб., — результаты на 200% больше.

— Что это такое? Отчего? — настойчиво спрашивает мистер в лиловом костюме.

Я старательно объясняю иностранцу, что наши займы тратятся на строительство и культурные нужды, т. е. на то, в чем непосредственно заинтересовано население. Из 32 миллиардов, собранных финпланом в прошлом году, 27 миллиардов снова вложены в хозяйство и культуру, тогда как во Франции, Англии и др. — 50%, а кое-где даже больше 50% бюджета уходят на милитаризм и погашение долгов по займам, связанным с вакханалией милитаризма!

Мистер внимательно изучает таблицы и диаграммы: налоги, которые и в Англии и во Франции составляют свыше 80% общего бюджета, у нас составляют только 6% финансового плана.

Наибольшее впечатление производит простой подсчет: при 6% какие составляют в общей сумме наших доходов налоги, обязательные платежи, платежи добровольные — займы, вклады в сберкассы и т. п. — составляют у нас 12%!

— То-есть как? Значит, добровольные платежи у вас в СССР дают стране вдвое больше, чем обязательные?

Именно так и обстоит дело. Мы и сами, должно быть, недооцениваем вес и значения этого изумительного показателя.

„За первые 10 дней полностью выполнили контрольные цифры по займу Москва, Ленинград, Иваново - Вознесенск, Харьков и т. д.“. Это неудивительно. Яр-

то согласны отсидеть“, — заканчивалось постановление. По тогдашним нормам, вместо штрафа в рубль, полагалось отсидеть в катажалке 3 дня. По этой вот норме, — по полтора дня на рыло, — и решила отсидеть деревня свое „пожертвование“.

Необычайные темпы, в каких развывается подписка на заем завершения пятилетки, — характерное знамение времени.

Что краснопутловцы, например, легко и охотно подписывались на заем — это понятно. Еще бы! Но телеграммы со всех концов СССР рассказывают о необычайных темпах подписки и среди сезонников, и среди грузчиков, и в безбрежном океане колхозников.

Ударная группа рабочих московского автозавода им. Сталина, преведшая подписку на заем 4-го завершающего среди чернорабочих завода на 146,5% контрольного задания

кие показатели дали, однако, и далекие окраины. Вчитайтесь в телеграммы: „Колхозная Чубаревщина выполнила план реализации займа на 101,2%“. По инициативе колхозников выдвинут встречный план подписки еще на 75 тыс. руб.“.

„Колхозники артели „Радянское село“, выполнив план в 11 997 рублей на 112%, послали 2 буксирные бригады в соседние сельсоветы. Здешняя колхозница, вдова Анна Луговая, подписавшись на 60 рублей, вызвала на соревнование своего сына Николая и дочь Марью. Сын подписался на 60, дочь — на 40 рублей. В погашение подписки колхозники внесли 2 тысячи рублей досрочно“. Сколько таких сообщений печатается ежедневно в наших газетах.

Вещи познаются сравнением. Чтобы оценить быстроту движения поезда, в котором едешь, — нужно взглянуть на неподвижные, все дальше отходящие предметы.

Во дни мировой войны некая глухая деревня прославилась решением, какое принято было на сельском сходе по вопросу о военных нуждах государства. Земский начальник долго убеждал, стыдил мужиков, говорил им, и вот сход решил государству помочь: постановили собрать по полтиннику с носа. „А как денег нету, —

— Что это такое? — спрашивает удивленно мистер в лиловом костюме.

Я приготовил для него документальную справку о второй пятилетке: „В области капитальных затрат на строительство мы в 1931 году успели построить предприятия, составляющие приблизительно около 10 Магнитогорских заводов. В 1937 году капитальное строительство даст за год около 450 Магнитостроев. В области электрификации мы теперь в общей сумме за год добываемся создания около трех Днепростроев. В 1937 году мы дадим за год свыше 100 Днепростроев и построим за год 50 Туркестроев“.

Мистер уверяет, что он начал кое-что понимать в жизни СССР. В час добрый! Быть может, он скоро поймет и теорию Максима Горького о „правом и левом кармане“, и новую психологию, все определеннее уводящую от понятий „мое“, „твое“ — к понятию „наше“, и то, почему вся наша страна дает деньги займа государству.

Наши деньги — это трудодни! Их ценность может и должна расти в зависимости от нас самих, нашей работы, нашей генеральной линии. Удивляться ли, что наше понятие „заем“ не переводимо ни на один язык мира?

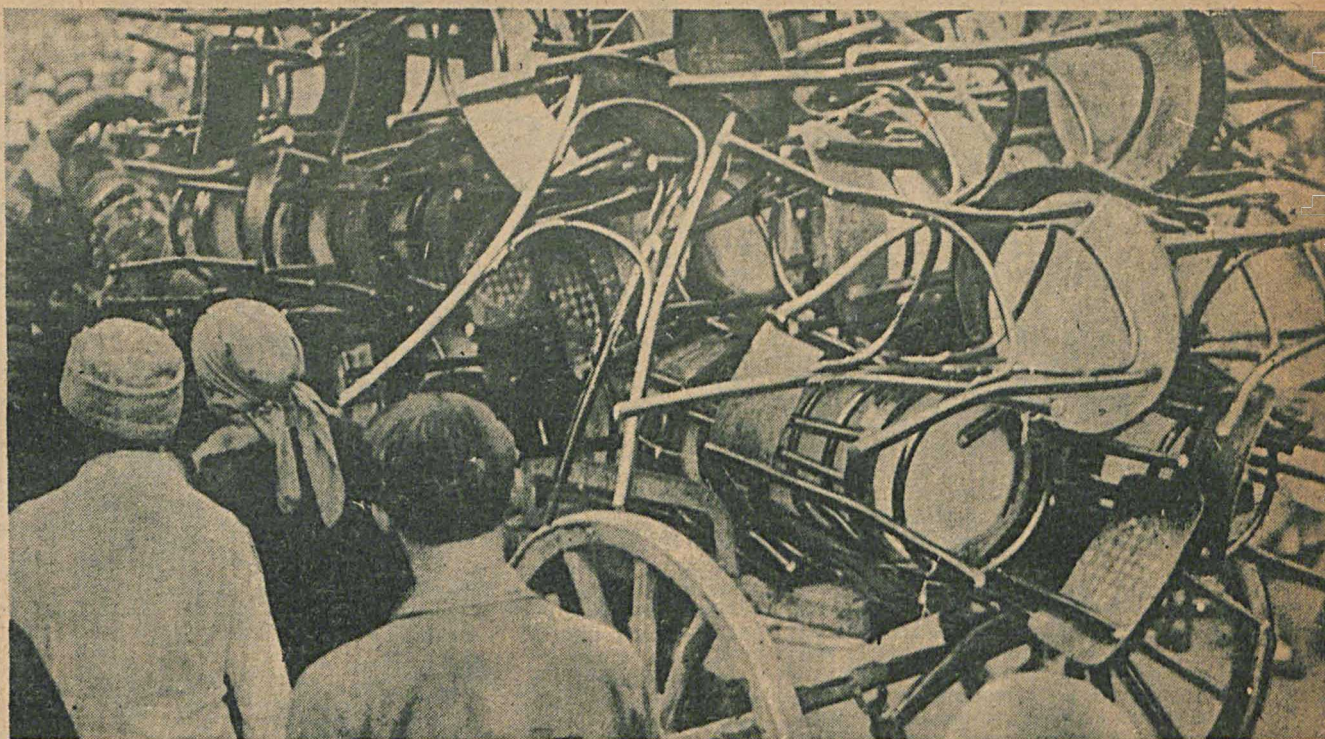
Ленинград. В конце июля открылась площадка колхозной торговли на Сытном рынке. В день открытия на рынок выехали 28 колхозов

Колхозный базар в Луге

С каждым днем растет значение колхозной торговли как одного из важнейших элементов системы советской торговли. Задача всех городских и сельских организаций — обеспечить колхозной торговле благоустроенные базары и культурно-бытовое обслуживание колхозников. Важнейшим же условием широчайшего развития колхозной торговли остается и будет встречный выпуск для колхозных рынков товаров широкого потребления. Для стимулирования колхозной торговли Главное управление госторговли Наркомснаба СССР предложило торгам и гортам немедленно перебросить на село ряд дефицитных товаров и выделить специальных работников, отвечающих за своевременность отгрузок товаров. Максимальное производство товаров широкого потребления и быстрая доставка их на рынок, ликвидация заговаривания, максимальное расширение товарооборота между городом и деревней — вот важнейшая задача настоящего момента. Наступивший квартал является особо ответственным для легкой промышленности, так как он совпадает с периодом подготовки и начала хлебозаготовительной кампании, а также заготовок сельскохозяйственного сырья. Выполнением и перевыполнением производственной программы предприятий легкой промышленности добьется максимального выпуска на рынок предметов широкого потребления.

ШИРЕ ТОВАРООБОРОТ МЕЖДУ ГОРОДОМ И ДЕРЕВНЕЙ

В конце июня открылась трехдневная колхозная ярмарка в Ленинграде. Фабрики, заводы и кооперация организовали на ярмарке встречную торговлю предметами широкого потребления

Колхозники Опочецкого и Ново-Ржевского района привезли мясо на первую ленинградскую колхозную ярмарку

Заготовка мяса для колхозного базара в Чайлинской коммуне в Азербайджане.

Фот. А. Финягина и Шамхарова.

На рынок ЗРК завода «Красный путилевец» колхозники Опочецкого и Ново-Ржевского районов вывезли овощи и другие с. х. продукты

Юбилляр и юбиляры

Г. Рыклин

По лестнице спускаетесь вниз. Поворачиваете налево. Три комнаты. Три комнаты, нарушающие серьезный, монументальный стиль Третьяковской галереи.

Три комнаты, наполненные лучами сегодняшнего дня. Три комнаты—смеха, сарказма, иронии, издевки. Три комнаты, посвященные „травле негодного“.

Это—выставка смеха. „Каррикатура на службе социалистического строительства“. Выставка, организованная государственной Третьяковской галереей и редакцией „Крокодила“ в связи с десятилетием журнала.

Недавно нашлись у нас люди, которые не поняли Безыменского, провозгласившего— Стихи делают сталь“. Попытались неудачно острить по этому поводу. Невдомек этим людям, что большевистское художественное слово является агитатором, пропагандистом, организатором.

Таким же агитатором, пропагандистом, организатором является советская каррикатура. Она—звено большевистской печати, этого „острейшего оружия партии“. Каррикатура, как и статья, фельетон, рассказ, роман,—оружие классовой борьбы.

Она направляет свое острое против всего того, что мешает, тормозит, задерживает наше победоносное движение вперед, нашу борьбу за социализм.

Она разоблачает капиталистический мир со всеми его противоречиями, со всеми его гнусностями, алчной жадной наживы. Она графически, в гротескном виде показывает нам международный лагерь эксплуататоров, поджигателей войны, организаторов провокации, интервентов, дипломатических болтунов, социал-фашистских вредителей. Она раскрывает кулисы, и мы видим вышедших властителей Европы и Америки без грима, без прикрас, занятых подготовкой новых кровавых авантур.

Каррикатура организуется на борьбу с классовым врагом внутри страны. Она показывает его безобразное лицо и не менее безобразную изнанку. Она рассказывает хитросплетенные приемы притавившегося врага, который порой пытается зайти в тыл, чтоб оттуда нанести удар по тому или иному участку нашего строительства.

Каррикатура берет на прицел все „осколки империи“, вих еще, застрявших на нашем пути Хлестаковых Молчаливых, Обломовых, Смердяковых, всю гниль прошлого, мешанство, обывательщину, казенщину и бюрократизм.

Каррикатура это особого рода „черная доска“ для лодырей, оппортунистов, рвачей, для людей, ковыляющих „в союзе“, для бездушных чиновников.

Все эти виды каррикатуры представлены на выставке. 500 каррикатур. Здесь лучшие наши каррикатуристы—Антоновский, Важанов, Беллини, Бродаты, Ганф, Генч, Гомбарг, Дени, Дубасов, Елисеев, Ефимов, Клинич, Козлинский, Кукрыниксы, Маленнов, Малиутин, Моор, Радаков, Радлов, Розе, Ротов, Храпковский, Черемных и другие.

Выставка далеко не отражает всего того, что мы имеем за последние десять лет в области советской каррикатуры. Здесь главным образом представлен юбиляр — „Крокодил“. Небольшое место отведено деревенскому сатирическому журналу „Лапоть“. Совершен-

но не представлены сатирические журналы, издающиеся в национальных республиках—на Украине, в Татарии, в Средней Азии.

Большим пропуском является то, что на выставке не показаны все основные существовавшие эти десять лет сатирические журналы, как-то: „Смехач“, „Чудак“, „Бегемот“.

Кроме того, на выставке очень слабо представлены такие крупные мастера советской каррикатуры, как Дени, Моор, Ефимов и Кукрыниксы.

Но все же, несмотря на эти пробелы, выставка „Каррикатура на службе социалистического строительства“ имеет большое общественное значение. Она показывает работу советской сатиры на различных участках социалистического строительства.

Она показывает, как мы смеемся и над кем и над чем смеемся.

На выставке показаны сатирические уголки заводских газет, массовая работа „Крокодила“, подготовка новых кадров каррикатуристов, кружки на предприятиях.

Остановимся на юбиларе и юбилярах. „Крокодил“— юбиляр. Крокодилы — юбиляры.

Древние римляне утверждали, что о юбиларах, как и о мертвых,—или ничего не говорят, или говорят одно хорошее.

Во-первых, мы—не древние.

Во-вторых, совсем не римляне.

В-третьих, юбиляр—не дряхлый, беззубый старикашка, а крепкий молодой, зубастый крокодил—крокодил большевистского океана.

Все эти предпосылки, выражаясь языком вдумчивых публицистов, создают благоприятные условия для нашей товарищеской критики.

Не ровно ходит „Крокодил“.

Не всегда он крепко держит вилы в руках. Не всегда эти вилы надлежащим образом отточены.

Бывали в жизни журнала такие провалы, сила пустота. „Крокодил“ плелся в хвосте нашей многообразной и яркой дей-

ствительности. Плелся в хвосте и слабо-сильно хихикал. Но бил своим смехом, не ударил, не зажигал. А как будто выполнял непосильную для него задачу—смешить. Он старался, а нам, читателям, было не интересно, скучно.

И вот опять взлет. Вновь глаза „Крокодила“ искрятся смехом, на губах—ядовитая улыбка.

И опять отлив. И на берегу—песок и камушки.

Мы теперь являемся свидетелями прилива. Это еще не мощные воды. Но все же прилив. Но все же подъем. Мы видим, как „Крокодил“ все больше и больше обретает дар большевистской сатирической речи. Это еще не то, чего мы хотим, но шаг вперед сделан.

Найдутся книжники и фарисеи, ханжи и „ортодоксальные“ мальчики, мнящие, что они стоят на каком-то посту, и считающие, что все вокруг них должно напоминать „великий пост“. Они будут утверждать устно и письменно: одни о том, что нам сатира вовсе не нужна, другие—нужна, но

сухая, как телефонный столб и безвкусная, как вата или теплый клюквенный морс.

Вот еще, кстати, любопытная и сугубо деревенная мишень, в которую крокодилы должны направить свои стрелы!..

О жертвах. Юбилар их подсчитал. Это его „достижения“ за десять лет.

37 000 убитых и раненых оппортунистов, бюрократов, головотыпов, лодырей, прогульщиков и прочего „добра“.

В среднем получается по десять человек в день. Это уж особый, специальный паек.

Но, как говорится, аппетит приходит во время еды.

И тут мы вправе спросить:

— Пришел ли этот аппетит? И стал ли „Крокодил“ разборчивей в выборе своей пищи?

Есть такие срывы у журнала. Теперь их меньше. Раньше было больше. Эти срывы выражались в том, что:

— Из пущек по воробьям стреляли. Опрокидывали скалу на комара.

А большие вопросы, крупные темы оставались в тени.

„Крокодил“ в настоящий момент—единственный сатирический городской журнал. В этом кроется для него большие опасности. Но в то же время—какое огромное поле для работы, какие широкие горизонты.

Сумеет ли „Крокодил“ справиться со своими задачами?

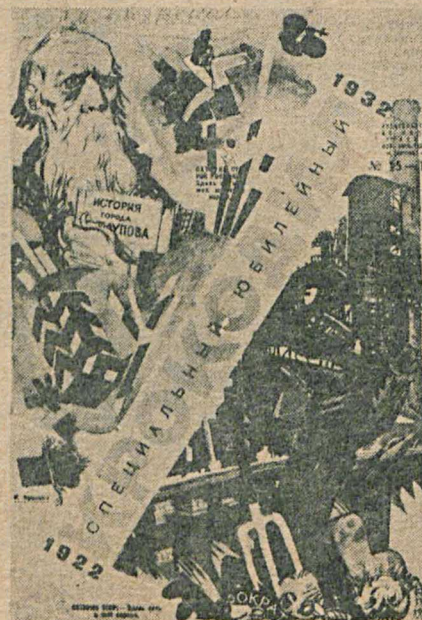
Вот вопрос, который мы ставим журналу—вопрос, может быть и бестактный, если принять во внимание торжественную обстановку юбилея.

Достижения юбиляра—юбиляры.

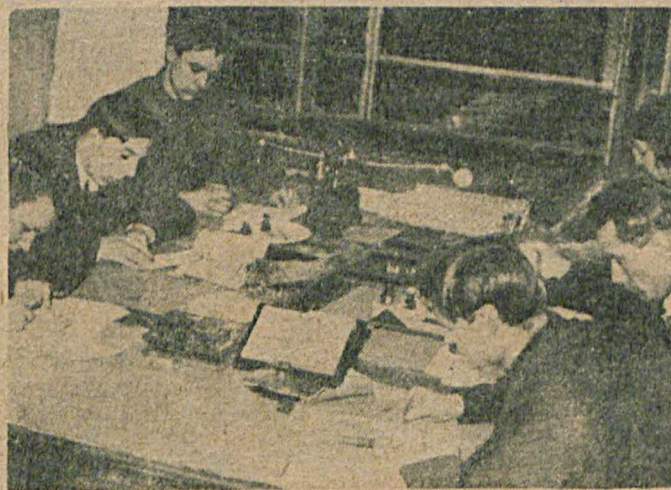
На страницах „Крокодила“ вырос, окреп и возмужал ряд лучших работников советской сатиры.

Ротов, Ганф, Елисеев, Храпковский, Маленнов, Генч—это художники.

Митинский, Лебедев-Кумач, Самсонов Роман, Архангельский—писатели и поэты

Обложка юбилейного номера „Крокодила“

Кружок рабочих-каррикатуристов при „Крокодиле“ за работой (класс Ю. Ганфа и К. Ротова)

Группа писателей-сатириков и художников-карикатуристов на выставке к десятилетию „Крокодила“ в Третьяковской галлерее. Сидят: М. В. Мануильский и М. Е. Кольцов. Стоят (слева направо): А. Гольдман, А. Архангельский, Н. Соколов (Кукрыниксы), С. Кирсанов, М. Куприянов (Кукрыниксы), И. Абрамский, К. Елисеев, В. Гранов, рабочие кружков „Крокодила“ гг. Вочаров и Атлас, Ю. Ганф, Л. Генч, И. Бельский, А. Гаямов, Бор. Ефимов, Вен-Гали

Этот список далеко не полон. Например, художники. Моор, Черемных, Дени, Малютин, Бор. Ефимов, Радлов, Коалинский, Бродаты, Антоновский и др. Эти крупные мастера карикатуры работали и многие из них и до сих пор работают в журнале.

Хуже с писательской братией. Была такая полоса „Крокодила“: маленькая группочка профессионалов заперлась в журнале, как в ящичке, и не дозволяла туда проникать ни свежему воздуху, ни свежему человеку.

Теперь этот ящичек разбит, уничтожен. Запестрели новые имена в журнале. „Крокодил“ пошел на завод. Начал обростать кружками.

Ряд „старых“ писателей-юмористов вернулся в журнал. Например, Юрий Олеся (Зубило), Ильф, Петров.

Кого из старых крокодилов-писателей мы видим на юбилее?

Л. Митницкий. Наблюдательный человек. Его волнуют отстающие от наших темпов „медвежьи углы“. Зло высмеивает мещан, обывателей, паутину.

В. Самсонов. Злое, ядовитое перо. Настоящий сатирический талант.

Вас. Лебедев-Кумач. Стихи и проза. И то и другое—сжато, коротко и метко. Не стрелок, а снайпер.

А. Архангельский, Бывший „крокодиловский секретарь“. Ныне—заведующий сектором пародий в советской литературе.

Р. Роман. Поэт-сатирик. Его устремления? Его пути? Почитайте в № 3 „Крокодила“ за 1932 год его большое стихотворение—„Сатира на стройке“. Это—программа советского сатирика.

Вот краткая история сатиры:

„Товарищи! Под острою секирой
Нередко с плеч летала голова
Того, кто едкою и злобною сатирой
Сердца людские мощно волновал.

Среди сатириков придворных было мало:
Сатира слишком жалила и жглась,
На „сильных мира“ часто нападала,
Под золотом разоблачала грязь!

Упасть сатирик должен был глубоко,
Чтобы лизать осок высоких ниг,

И вот тогда рождался Сумароков—
Второй Екатерины блюдолиз.

А истинной сатиры гневный гений
Порой бывал терпим, всегда гоним...
Погиб в изгнании мятежный Гейне,
Чей ядовитый смех неповторим...

Гоголь—с ума сошел гигант-сатирик
Гоголь под натиском „кувшинных рыл“.

Салтыков—в его крутые строчки вливалась
Кровь набухших гневом вен.

Марк Твен, Свифт—все они подверглись
Преследованиям.

„Была сатира делом невеселым,
Опаснейшею из затей“!...

Аверченко, „Сатирикон“—„питал мещан
и был он пуст, как нуль“.

Но вот подымается новая, острая сатира—
Демьян, Маяковский. Новая плеяда
советских сатириков. „Крокодил“.

Рапорт „Крокодила“.

„Еще болванка в колыбель проката
Ложится, чтоб конструкцией расти.
Уж нами под обстрел все сроки взяты,
Задержек в выполнении не простим!

Все памятно: Дебальцево мы взяли
За сроков срыв и здоровый оборот!
А мало ли Востокостали
Мы доставляли всяческих хлопот.

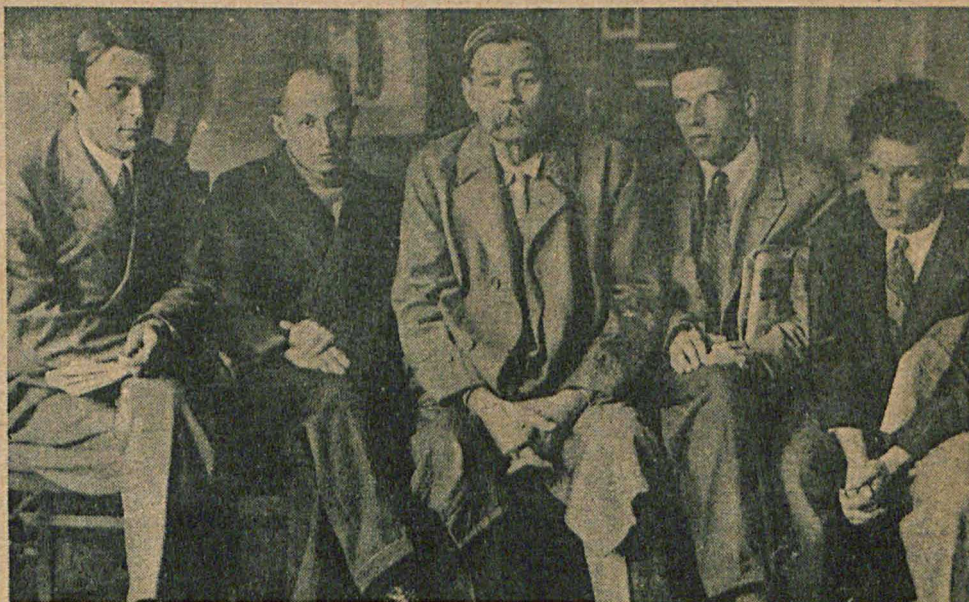
Заказ готов... Но очень может статься,
Что в сетях рельс запутается он!
И „Крокодил“ идет путями станций,
Плакаты яркие он клеит на вагон.

Борясь за темп, бичуя неполадки
И цели види ясно впереди,
Он на магнитоостровской площадке
Уж десять месяцев безвыездно сидит.

За это время часто во главе он
Сражений самых жарких был.
Не он ли бил по руководству ВЭО?
Не он ли начел Теплостроя бил?

Не он ли воевал с клопным бытом?
А здравотделу не чесал бока?
Добрался он до главков из нарпита!
Не пощадил он главков ЦРК“!...

От сатиры разрушающей—к сатире строящей—
таков путь „Крокодила“.
Таков путь каждого советского сатирика.

М. Горький с художниками Кукрыниксы, слева—писатель-сатирик А. Архангельский

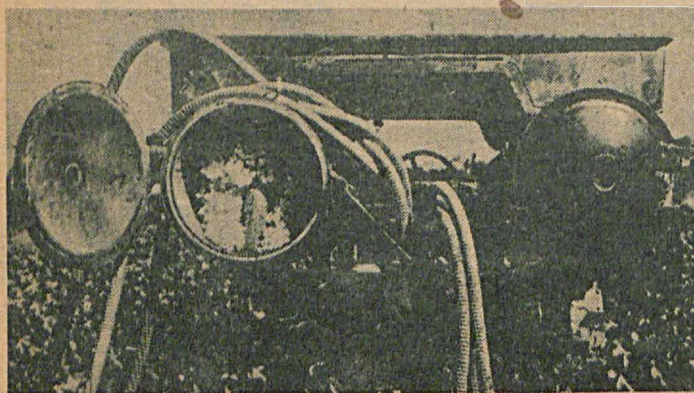
Механизировать советское хлопководство

— В близ Каспия растет род плода, напоминающий тыкву. Когда он созреет, его разрезают пополам и находят внутри маленькую овечку, покрытую шерстью, называемую „хлопок“. Этот плод и я ел,—врал английский путешественник Джон Мандвиль в своем „Путешествии“, опубликованном в 1322 году. По-немецки хлопок до сих пор называется „древесная шерсть“. Впрочем,

там королем после изобретения механической очистки хлопка и текстильных машин. Но хлопководство САСШ прогрессировало на основе невольничества. Виргиния и Мериленд превратились в штаты, специализированные на капиталистическом „негроводстве“.

Русским капиталистам, „энергетической базой“ которых была только мускульная сила рабочих и крестьян, не удалось развить хлопководство в Закавказье, несмотря на природные данные края.

С победой социализма основой создания у нас в Закавказье второй мощной хлопковой базы СССР становится комплексное энергетически ирригационное использование водных ресурсов и стопроцентная механизация.

Советский „Турман-вакуум“

английские сообщения о советском Азербайджане и теперь, через 600 лет после Джона Мандвиля, немногим достовернее. В английской буржуазной печати в этом году появилось сообщение, что развитию хлопководства и освоению новых районов даже в Африке, на Белом и Голубом Ниле, препятствует будто бы не мировой кризис, а развитие „красного“ хлопководства в новых районах СССР.

Теперь, в 1932 году, посевная площадь социалистически реконструируемого хлопководства в Закавказье далеко превзошла довоенный предел. „Закавказье должно стать во второй пятилетке второй мощной хлопковой базой СССР“. (Постановление ЦК ВКП(б) от 31 октября 1931 года).

Великое электроиригационное строительство превратит Прикаспий, по природным условиям хлопководства подобный дельте Нила, в район производства длинноволокнистого египетского хлопка. Вторая пятилетка превращает сухие субтропики Азербайджана в новый, социалистический Египет.

С „Черного континента“ хлопок проник когда-то через Персию в Азербайджан. Но знаменитый „египетский“ хлопок по своему происхождению—хлопок Нового Света—американский „Си-Айланд“ (островной). Древний Египет не знал культуры хлопчатника. Исследование тканей, облекающих египетские мумии, показало, что эти ткани — льняные, а не хлопчатобумажные. Африканский Египет был лишь второй родиной „Си-Айланда“. Селекционно преобразовавшись там, он—теперь уже как „египтянин“—находит свою третью родину в стране социализма.

Гражданская война Северных и Южных штатов „за освобождение негров“, подорвав экспорт американского хлопка в Европу, заставила и русских капиталистов-текстильщиков впервые озаботиться судьбой хлопководства в Средней Азии и Закавказье.

Монополия Южных штатов в снабжении Европы хлопком,—как указывал Маркс в статьях о гражданской войне в Америке,—создавалась в свое время не особыми естественными, а особыми социально-историческими условиями. „Король-хлопок“ стал

теперь, три четверти века спустя после освобождения негров,—ручной труд. В бывших рабовладельческих штатах юга негр зарабатывает не больше двадцати долларов в месяц, а пальцы черных, поколениями обиравших коробочки белого хлопка, работают вдвое быстрее, чем руки белых в Америке и в Египте. С расширением хлопкового пояса на северо-запад, где рынок белого труда был недостаточен, в этих штатах началась механизация, и за последние годы дело дошло даже до попытки механизировать самый ценный, но зато и самый сложный первый сбор хлопка. Мистер Турман, производивший раньше на своем заводе пылесосы, начал изготавливать „Турман-вакуум“—машину, которая через шланг, как пылесос, пневматически всасывает хлопок из раскрытой коробочки.

Турман несколько лет возился с выпуском своего вакуума. Завод его за это время успел сгореть. Потом в САСШ начался всеобщий экономический пожар—кризис, и капитализм пытается тушить его возвратом от механизации назад, к ручному труду. „Турман-вакуум“ теперь предоставляется возможность—разве что рекламироваться в капиталистической Аме-

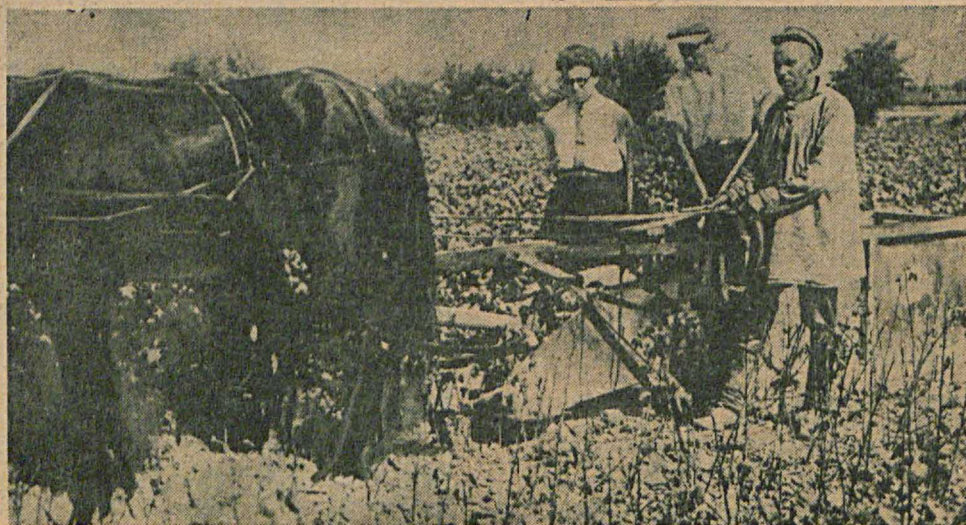
рике с надеждой на такой же „успех“, какой ожидал в царской России американский трактор „Интернационал“, когда он рекламировался в 1914 году „Всероссийским торгово-промышленным справочником“.

Но шланги „Турман-вакуума“, без дела повисшие в САСШ, были испытаны и применены в хлопко-совхозах Советского союза. А в этом году мы уже прекратили импорт „Турман-вакуумов“. Два украинских завода: завод им. 1 мая в Белой Церкви и Херсонский завод им. Петровского организовали производство советских хлопкоуборочных машин. Но мы не ограничиваемся копированием американского образца. Советский вакуум приспособлен и пересажен с американского трактора на советский трактор „СТЗ“, а работы советских конструкторов открывают перспективу увеличения числа рабочих шлангов (на „Турман-вакууме“ их всего шесть) до 12-ти и даже до 24-х.

Но и усовершенствованный многошланговый советский вакуум не сможет нас надолго удовлетворить. Поэтому Всесоюзный институт механизации сельского хозяйства ведет работу по изобретению и конструированию новых хлопкоуборочных машин. На экспериментальном заводе строится веретенная машина Коркина, а рабочий-плотник Проппе сконструировал челночную машину для сема первосборного хлопка. Кроме того, созданы советские слединги—более простые машины для менее сложного, коробочного третьего сбора хлопка.

Наступление периода промышленного капитализма привело к увеличению мирового производства хлопка за последние 135 лет в тридцать раз. Но для производства одного га поливного хлопка при ручном труде нужно в девяносто раз больше рабочей силы, чем в зерновом хозяйстве. „М.Х.1“—полуавтоматическая хлопкопосадочная машина завода „Красная звезда“—в 6—7 раз экономит рабочую силу. А пересадка хлопковой рассады дает возможность вдвое-втрое повысить урожайность.

Советское хлопководство будет механизировано полностью уже в первые годы второй пятилетки. Вступление в период социализма, вторая пятилетка, изменяющая природу человеческого общества, открывает нам уже реализующуюся на наших глазах возможность исторически новых, небывалых темпов развития и для производства хлопка в СССР.

Сем первосборного хлопка

«Дети голодают, дети умирают». Так называется недавно выпущенная в Берлине брошюра, в которой на большом фактическом материале обрисовано ужасающее положение десятков миллионов proletариев и их детей. По официальным данным в январе текущего года количество безработных во всех капиталистических странах достигло 48 1/2 млн. Вместе с членами семейств это составляет больше 100 млн. человек, страдающих от безработицы. Естественно, что участь родителей непосредственно сказывается на детях. Автор брошюры сообщает, что 95 проц. всех нью-йоркских детей страдают от недоедания различными заболеваниями. В то же время владельцы крупных поместий, не имея возможности сбыть излишки молока,

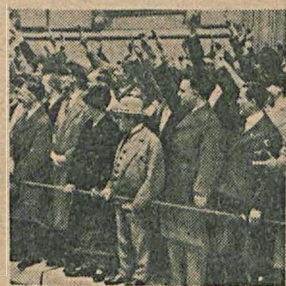

выливают его десятками тысяч ведер в реки. Уничтожение молока приняло такие размеры, что нью-йоркские власти заявили протест. Правда, они протестовали не в интересах умирающих от голода детей, а потому что в «молочных реках» началась мор рыбы. В связи с ростом безработицы непрерывно увеличивается число детей, вовлекаемых в производство. Предприниматели в целях экономии берут на работу мальчиков и девочек в возрасте от четырнадцати до пятнадцати лет. Нечего и говорить, что детский труд оплачивается необычайно низко. Нередко мальчики моложе шестнадцати лет работают по 12-13 часов подряд. Еще хуже положение в Латинской Америке, где дети, начиная с пятилетнего возраста, работают на кофейных плантациях. В Германии количество безработных подростков между 14-ю и 20-ю годами уже в январе достигло 900.000 человек. Но только половина этих безработных получает пособие по безработице или благотворительную поддержку. Положение подростков тем более ужасно, что 90 проц. из них имеют безработных родителей. Несмотря на чудовищную нужду, германское правительство продолжает «экономить» на миллионных массах безработных, снимая их с пособия и сокращая и без того жалкие его размеры. Все это не мешает буржуазии платить чудовищные оклады директорам своих трестов и концернов. Достаточно указать, что 43 директора завода концерна «И. Г. Фарбениндустри» получают по 145.000 марок в год. Миллионные массы голодают для того — говорится в брошюре, — чтобы кучка паразитов могла жить в роскоши и купаться в деньгах.

На снимке: безработные дети в почлежке. Они получают пособие 3 марок 15 пеннигов в неделю, из которых пять марок им приходится платить за койку в почлежке.

Легализация германских фашистских организаций. В Германии издан чрезвычайный указ об отмене запрещения

фашистских штурмовых отрядов и ношения формы. Согласно указу в случае злоупотребления «свободами», которые предоставляет указ, могут быть приняты меры, но эти меры будут приниматься общегерманскими инстанциями, а не властями отдельных германских государств. Чрезвычайный указ усиливает на-

казания за акты насилия и злоупотребление оружием, с другой стороны якобы смягчающие цензурные правила для плакатов и листовок. Нечего и говорить, что на коммунистов объявленные «свободы» не распространяются и запрещение Союза красных фронтовиков и протестарского союза свободомыслящих остается в силе.

На снимке: берлинские национал-социалисты приветствуют парад вновь разрешенных гитлеровских штурмовых отрядов.

Бертольд Брехт о Москве. Посетивший недавно Москву, по приглашению Журналистского объединения, германский революционный писатель Бертольд Брехт поделился своими впечатлениями о Москве с интервьюером из газеты «Верлиан ам morgen».

«Очень интересны вопросы, которые задают вернувшимся из Советского Союза. Удается ли «эксперимент», выдержит ли его русский рабочий, делаям ли в руках ГПУ находится управление литера-

турой и показывают ли путешественнику только «потемкинские деревни»? Особенно настойчиво предлагают последний вопрос. В действительности же новая Россия строится не для туристов и независимо от того, много или мало у нее денег; едва ли она тратит что-либо для того, чтобы пускать пыль в глаза. Рабочие, которые неустанно движутся по Тверской, производят впечатление крепких и совсем не изголодавшихся людей, а это ведь не статисты, нанятые Интуристом, и машины, у которых они работают, не являются картонной бутафорией... Гигантское социалистическое строительство — только «эксперимент» ли оно? Социалистическое строительство в такой же степени не эксперимент, в какой

нельзя назвать экспериментом необходимость дышать для человека. Пожалуй, еще отвратительнее вопрос, выдвигаемый «чистым социализмом», «выдержит ли русский рабочий эксперимент»? Этих людей можно успокоить. Русский рабочий выдержит. Другой вопрос — выдержит ли сам спрашивающий?

Свободен ли писатель? Буржуазные писатели купили себе так называемую «свободу» путем полного отказа от влияния на политику, т. е. отказа от действительного содействия жизни общества. Русский же писатель одновременно с правом на это влияние принимает на себя обязательство находиться под контролем той общественности, в жизненные условия которой он вмешивается... Во всяком случае — заканчивает Брехт, отмечая множество впечатлений, полученных им, — я не сумел ответить на вопрос, когда Михаил Колюнов спросил меня, что мне больше всего и что меньше всего понравилось в Москве...

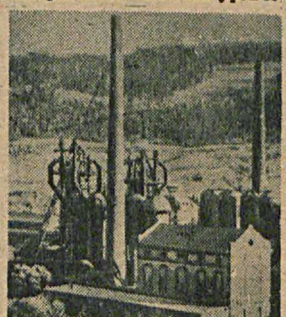
Сидней Вебб в Москве. В конце мая в Москву приехал известный английский ученый, автор многочисленных трудов по истории рабочего движения Англии Сидней Вебб. Вместе с ним приехала его супруга Беатриса Вебб — автор социологических работ о кооперативном движении в Англии

Супруги Вебб прибыли в СССР несколько недель для ознакомления с социалистическим строительством.

На снимке: Сидней Вебб.

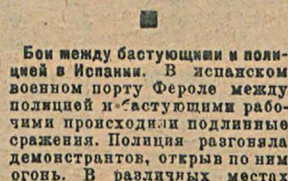
Город сплошной безработицы. Таким городом стал небольшой промышленный городок Донавиц, лежащий в австрийских Альпах. В Донавице живет около 18.000 человек. Это один из центров австрийской металлургиче-

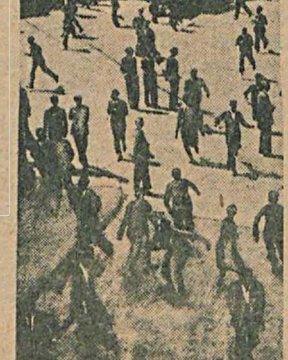
ской промышленности. Безработица охватила все население городка; недавно уволенные последние 1300 рабочих. Потухли последние дома,

и в городе царит кладбищенский покой. Безработные, выселенные за неплатеж квартирной платы, ютятся с семьями в погребах и в наскоро сколоченных бараках. Трагическое положение proletариев в Донавице не является, однако, и исключительным для Австрии, где трудящиеся буквально умирают от голода. Несмотря на такое положение, правительство готовит новый закон, согласно которому будут сняты с пособия еще десятки тысяч безработных, а у остальных будет снижено пособие.

На снимке: последние потухшие дома металлургического завода в Донавице.

Бои между бастующими и полицией в Испании. В испанском порту Фероле между полицией и бастующими рабочими происходили подлинные сражения. Полиция разогнала демонстрантов, открыв по ним огонь. В различных местах

Испании обнаружены склады бомб. В связи с этим в Андалузию и Каталонию направлены большие вооруженные силы и произведены многочисленные аресты.

На снимке: разгон демонстрации в Фероле.

Там, где царит террор Херти. Недавно в Вудапесте произошли волнения среди безработных. Измученные голодом, потерявшие всякую надежду на получение работы, безра-

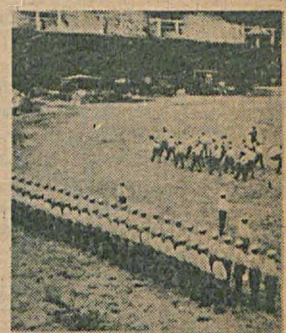

ботные начали «ломать» продовольственные магазины. Тут правительство, наконец, проявило признаки внимания к безработным, выпустив против них вооруженную полицию, которая произвела многочисленные аресты.

На снимке: группа венгерских безработных, арестованных за участие в голодных волнениях, отправляется в тюрьму под охраной полиции.

В заботах о пушечном мясе. Заключенные знаменитой нью-йоркской тюрьмы «Синг-Синг» проходят военную муштровку под командой специально присланного для этой цели офицера. Как официально сообщается об этом в аме-

риканской революционной печати, оригинальное нововведение вызвано необходимостью «повысить моральный уровень заключенных». Одна-

ко ни для кого не является секретом, что эта необычная заботаливость о повышении морального уровня диктуется необходимостью срочной заготовки дешевого пушечного мяса для будущей империалистической войны.

На снимке: заключенные тюрьмы «Синг-Синг» на военной подготовке.

Знамя братерной солидарности. Редакция газеты «Правда севера», выходящей в Архангельске, получила от рабочих французского города Анне-

вил красное знамя для передачи рабочим лучшего лесопромхоза северного края.

На снимке: знамя, присланное французскими рабочими лесорубам советского севера с надписью (на эсперанто): «За победу социализма во всем мире».

Голодный поход ветеранов войны. Из всей Северной Аме-

рики устремились в Вашингтон колонны ветеранов войны. Голодный поход вызван тяжелым положением, в котором оказались участники империалистической войны, лишенные всякой поддержки со стороны правительства, несмотря на принятые им определенные обязательства по отношению к безработным ветеранам войны. Против демонстрирующих были направлены отряды полиции.

На снимке: одна из сцен голодного похода безработных участников войны,

Карл Моор

Очерк Отто Поль

В лице Карла Моора, скончавшегося в 80-ти летнем возрасте, сошла со сцены оригинальная фигура в истории современного рабочего движения. Действительно, можно говорить об историческом прошлом человека, который был членом I Интернационала, который не запятнал себя позором 1914 и следующих годов и сохранил достаточно духовной свежести и гибкости для того, чтобы быть восторженным свидетелем эпохи пролетарской революции и строительства Советского союза.

Моор—не настоящая фамилия нашего товарища. Эту партийную кличку он заимствовал у Фридриха Шиллера, у героя драмы „Разбойники“.

Карл Моор происходил из франкского аристократического рода, игравшего большую роль в истории старого „свободного имперского города“ Нюрнберга.

Идейная атмосфера родительского дома была особенно благоприятна для развития одаренного мальчика. Он получил основы широкого образования еще в ранние годы, особенно в области исторических наук. Жадно читал он главнейшие исторические работы о французской революции, очарованный ее вождями, разбираясь в массовых движениях и их социальных причинах. Так, когда весной 1871 года пала Парижская Коммуна, он тотчас же стал всем сердцем на сторону революционеров, убиваемых после поражения, высылаемых из Франции, затравленных международной реакцией и всей буржуазной печатью, изрыгавшей на их головы самую гнусную клевету. События Коммуны были решающим переживанием для восемнадцатилетнего юноши, приведшим его на сторону рабочего движения и пролетарской революции. Он вступил в германскую социал-демократическую партию и сделался членом Интернационала.

Его деятельность сперва протекала в Нюрнберге, под руководством тогдашнего социал-демократического вождя Грилленбергера, затем он познакомился с Бебелем, с которым сохранил тесную дружбу до самой его смерти. Конфликты с семьей привели Моора к окончательному разрыву с нею. Ему приходилось жить на скудные

заработки пролетарского журналиста, и только в то время, когда он был обладателем парламентского мандата или имел службу в городском самоуправлении, он несколько разгружался от забот о хлебе насущном.

После недолгой деятельности в Германии Моор переехал в Швейцарию, где рабочее движение было дезорганизовано борьбой между ультрареформистской и бакунинской группой. В 1874 году он основал социал-демократическую партию в кантоне Берн. Позднее он был секретарем швейцарского Рабочего союза, стоящего на марксистской платформе. Он играл руководящую роль в швейцарской рабочей

Карл Моор

печати и в 1886 году основал базельский „Форверте“, являющийся ныне органом коммунистической партии. В течение двадцати лет он был представителем швейцарской социал-демократии в Брюссельском международном социалистическом бюро. В швейцарской социал-демократии он находился на левом крыле.

В то время Швейцария сделалась убежищем для группы социалистических борцов, бежавших от реакции своего „отечества“. Моор был кем-то вроде международного консула революции, и сотни нуж-

дающихся в его помощи борцов обращались к нему. Позднее, уже во время мировой войны, благодаря личному вмешательству Моора Ленин и товарищи получили разрешение на проживание в Швейцарии.

В мае 1917 года Моор отправился в Стокгольм, где одновременно происходили две конференции: реформистов II интернационала, заседавших на своей трагикомической конференции, и циммервальцев, обсуждавших вопросы революционной борьбы против империалистической войны. Правда, Моор не мог в то время сломить мост к своим прежним друзьям, хотя его отношение к военным патристам и гнилым пацифистам из лагеря социал-демократии вылилось сразу со всей ясностью. Успехи русской революции и установление пролетарской диктатуры устранили всякое колебание из сердца старого революционера. Когда рабочие и крестьяне в Октябре взяли власть, он не мог оставаться в стороне, как наблюдатель. Он направился в Советскую Россию, где восторженно встретил осуществление революционной мечты своей юности. Впоследствии он еще вернулся в капиталистическую Европу и в бурные спартаковские дни 1919 года призывал на защиту русской революции, находившейся под угрозой.

Его продолжало тянуть в Страну советов, он приехал в Москву и пробыл тут до осени 1927 года, последнее время живя в доме отдыха имени Ильича. Страдая от тяжелой болезни, почти ослепший под конец своих дней, он продолжал принимать живейшее участие в политической жизни, особенно интересуясь развитием Советского союза. Он поражал своих посетителей необычайной свежестью памяти и легкостью разговора. Он умел воскресить в живой речи самую отдаленную пору своей жизни. Он встретил смерть в полном спокойствии и полном сознании. В свои последние дни он писал прощальные письма, а когда уже не хватало сил, диктовал их.

Мировой пролетариат, и особенно пролетариат Советского союза, в создании которого он принимал также горячее участие, будут хранить память о верном бойце, преданном делу рабочего класса.

ЗАПАД БЕЗ МАСОК

Два мэра. Мэр, хорд-мэр, бургомистр—различные наименования в

разных капиталистических странах. Но мэр мэру бывает рознь.

Вот два портрета двух мэров двух капиталистических государств.

Мэр № 1. Глава города Нью-Йорка Уокер—фигура необычайно популярная. Как истинный демократ, он допускает некоторую фамильярность с собой и даже любит, когда преданные ему газеты демократической партии называют его просто „Джимми“. Портреты почтенного мэра так и мелькают в американских газетах.

Разумеется, Уокер получает весьма солидное вознаграждение за свои труды по ведению городского хозяйства, но, очевидно, у него слишком большие расходы, и поэтому пришлось прибегнуть к некоторым „побочным доходам“.

Джимми совладал перед комиссией по расследованию взяточничества в нью-йоркском муниципалитете, что он получил 247.000 долларов от дельца Пауля Блока, который был заинтересован в продаже строительных материалов городской подзаемки. Другие лица заявили также, что они давали Уокеру взятки на десятки тысяч долларов. Скандал грозит большим политическим последствиям и наносит удар кандидатуре Рузвельта, союзна Джимми по демократической партии в прези-

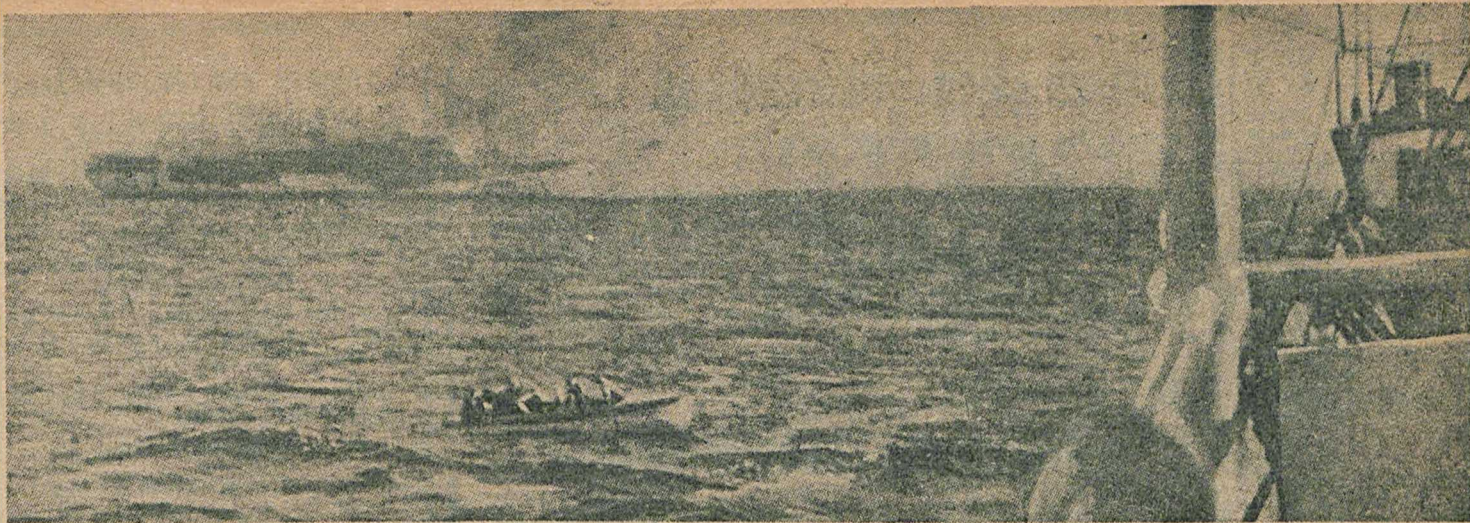
денты Соединенных Штатов. Весьма вероятно, что всяческие комиссии и подкомиссии вынут этот скандал и Джимми выйдет сухим из воды.

Но вот мэр № 2. Никто не печатает его портрета в буржуазной печати Запада. Это—бургомистр крестьянской бедноты, живущий в баварском лесу,

почти на чехо-словацкой границе, и зовут его Вухер. Маленькая деревенька Ранвалтсгит, заброшенная в сторону от проезжих дорог, гибнет и вымирает от нищеты. Крестьяне питаются только продуктами собственного производства и набыли даже, как выговаривают деньги. Бургомистр деревни Вухер имеет небольшой клочок земли, он женат, у него четверо детей, и он в долгу, как в шелку. За свою работу в качестве бургомистра он получает вознаграждение в размере 100 марок в год. Как обычный писарь он получает еще 100 марок, и за 200 марок ежегодного вознаграждения он исполняет свои обязанности. Вухер проделал длинный политический путь, прежде чем он вышел из реакционного „Крестьянского союза“ и понял, что единственный выход из нищеты—это вступление в революционный крестьянский союз и тесная связь с революционными рабочими города.

На снимках: налево—мэр Нью-Йорка Джимми Уокер на парадных „мокрах“, т. е. требующих разрешения алкогольных напитков в САСШ; направо—бургомистр Ранвалтсгит Ксавьер Вухер.

Шлюпка со спасенными подходит к борту „Советской нефти“

М. Зверев

ЕЩЕ ОДНА КАМПАНИЯ КЛЕВЕТЫ

В ночь на 16-е мая в Красном море близ мыса Гвардафуй затонул французский пароход „Жорж Филиппар“, принадлежавший обществу „Мессажери Маритим“. Советский танкер „Советская нефть“ принял с мыса Гвардафуй тревожный радиосигнал: „На горизонте горящее судно“. На корабле поднялась тревога. Два часа добиралась „Советская нефть“ до горящего судна. Рискуя собой, советский танкер приблизился к горящему судну, которое оказалось „Жоржем Филиппаром“. Красные моряки с опасностью для собственной жизни мужественно вступили в борьбу со стихией. Так удалось спасти 483 человека.

Спасенные с „Жоржа Филиппара“ в один голос свидетельствуют о героизме советских моряков. Среди спасенных было много белоэмигрантов, заводчиков, на борту находился известный инженер Луи Дрейфус со своей женой. Передавая поручение группы спасенных французов, эмигрант Елецкий и его жена сказали команде „Советской нефти“: „Нам показывали на картинках большевиков, окровавленных, с пожарами в зубах. Впервые встретившись с вами, мы признаем, что большей человечности мы не знали даже во Франции“.

Приняв на борт „Советской нефти“ спасенных пассажиров и моряков, наши краснофлотцы накормили и одели спасенных ими людей, поделились с ними всеми запасами, даже подарками.

Героический подвиг советских моряков, казалось бы,—явление бесспорное. Но бульварная и черносотенная парижская печать придерживается на этот счет другого мнения. Прославленные своей антисоветской клеветой газеты „Матэн“, „Журналь“ и другие стали обливать помоями лжи команду „Советской нефти“.

Они услужливо сообщили, что „Жорж Филиппар“ подожжен агентами Москвы при помощи адской машины, и „Советская нефть“, якобы заранее предупрежденная о месте и времени покушения, с показным лицемерием принялась спасать пассажиров. Генерал Бремон, автор руководящих статей в органе французского генштаба „Франс милитер“, старается установить прямую связь между убийством Думера, пожаром „Жоржа Филиппара“, волнениями в Бомбее, политическими убийствами в Японии и проч. и проч. Оказывается, что не кто иной, как Советы, являются инициаторами этих событий.

Рассмотрим вкратце, каковы подлинные причины гибели „Жоржа Филиппара“. Общество „Мессажери Маритим“ выстроило „Жорж Филиппар“ как первоклассный пароход, предназначенный для комфортабельных путешествий. Он был снабжен бассейнами для плавания, автомобильным гаражом, площадкой для тенниса и проч. Все было принесено в жертву комфорту в ущерб самым примитивным мероприятиям, гаран-

тирующим безопасность. Пожар распространился быстро, в виду скудности роскошно отделанных кают первого класса, множеству легких переборок и обилию легко воспламеняющихся украшений и отделки.

В сущности, общество „Мессажери Маритим“ не имеет больших оснований особенно огорчаться гибелью своего парохода. Оно получит около 120 млн. франков страховой премии—это довольно солидная сумма, особенно приятная теперь, когда большинство комфортабельных пароходов стоят в европейских портах „замороженными“ ввиду отсутствия пассажиров.

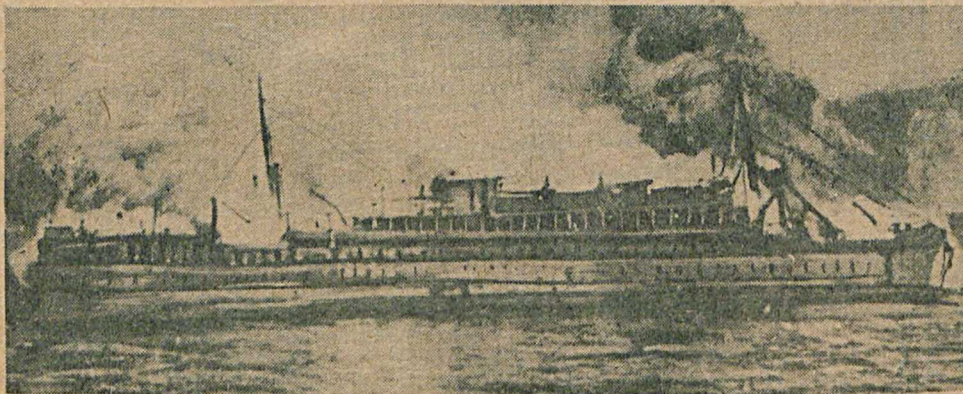
Правда, пострадавшие пассажиры и родственники погибших могут получить возмещение от пароходной компании, но это возмещение она обязана уплачивать только в том случае, если будет доказано, что гибель парохода произошла по вине или по оплошности пароходной администрации.

Таким образом, антисоветская клевета, возникшая и раздутая во французской бульварной печати, имеет, помимо „идеологических“, еще и сугубо материальные корни. В самом деле, если гибель „Филиппара“ возникла вследствие взрыва большевистской адской машины, то этот взрыв, как и вообще существование большевиков,—явление порядка стихийного, величайший форс-мажор мировой истории.

Писаки из „Матэн“ и других бульварных газет, распространяя антисоветскую версию о гибели „Филиппара“, обещали дать более подробные сведения со слов переживших катастрофу, когда они придут во Францию. Однако никто из пассажиров и команды „Филиппара“ не оказался настолько циничным, чтобы поддержать гнусную антисоветскую версию.

И в результате антисоветским провокаторам из французской журнальной подворотни не оставалось ничего другого, как бить отбой. Антисоветские парижские газеты переменили фронт и привели ряд данных о чистосердечном приеме, оказанном русскими пострадавшим пассажирам „Филиппара“.

Еще одна кампания клеветы позорно провалилась, но, очевидно, те, кто создали и раздували эту кампанию, стыда не имеют.

„Жорж Филиппар“ в огне

Редактор МИХ. КОЛЬЦОВ.

Адрес редакции: Москва, Страстной бульвар 11.

Издатель—Журнально-газетное объединение

Уп. Главлита В 30384 Изд. № 1489. Выпускал и корректировал А. Оголевец. Колич. наб. зн. в кажд. бум. л. 165.000. Сдано в набор 26/VI. Подписано к печати 8/VII. Зак. 950. Offset-печать тип. Журнально-газетного объединения („Огонек“), Москва, Сретенка, Последн. пер., 26. Тир. 200.000. Стат. формат А, 210×297. Колич. бум. листов—1,25.

Художественно-увеличенный

ПОРТРЕТ

РОСКОШНО ОТДЕЛАННЫЙ ТУШЬЮ
исполняется с любой присланной кар-
точкой. Размер с паспарту 32x40—
15 р., 44x53—22 р., 54x68—35 р.,
тон сепии (коричневый) на 25% до-
роже, в красках на 50% дороже.
Для красок указать цвет волос,
глаз, платья. Заказы выполняются
быстро и аккуратно по получению
полной стоимости портрета. При
желании вернуть ланом на 3 р. до-
роже. Карточки возвращаются.
Заказы и деньги направлять:
Москва, 15, 2-я Хуторская ул., 11/0.
Маст. увел. портр. „Новый быт“.

ЧИТАЙТЕ
ЖУРНАЛ

„ХОЧУ= ВСЕ ЗНАТЬ“

ЦЕНА 20 КОП.
ВЫХОДИТ 3 РАЗА
В МЕСЯЦ

Овладеть техникой своего производства

СТАТЬ УДАРНИКОМ, ОРГАНИЗАТОРОМ И РАЦИОНАЛИ-
ЗАТОРОМ ПРОИЗВОДСТВА ПОМОЖЕТ РАБОЧИМ,
СРЕДНЕ-ТЕХНИЧЕСКОМУ ПЕРСОНАЛУ И ХОЗЯЙСТВЕН-
НИКАМ МАССОВЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ПРОИЗ-
ВОДСТВЕННО-ТЕХНИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ, ОРГАН ВЦПС
и ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА „ЗА ОВЛАДЕНИЕ
ТЕХНИКОЙ.“

ЖУРНАЛ „Овладеем техникой“

передавая опыт новых методов большевистской
работы лучших заводов, фабрик, шахт, цехов,
бригад, отдельных ударников и краснознаменцев
производства организует работу на от-
стающих предприятиях, стимулирует их в ряды
ударных предприятий, борется за социали-
стическую организацию и рационализацию произ-
водства, за техническую реконструкцию промыш-
ленности, сельского хозяйства и транспорта.

„ГОВОРЯТ, ЧТО ТРУДНО ОВЛАДЕТЬ
ТЕХНИКОЙ. НЕ ВЕРНО!

НЕТ, ТАКИХ КРЕПОСТЕЙ, КОТО-
РЫХ БОЛЬШЕВИКИ НЕ МОГЛИ
ВЫ ВЗЯТЬ“.

(Сталин)

В 1932 году выходит ИАЖДЕ
ШЕСТЬ ДНЕЙ вместо двух раз
в месяц в 1931 году.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПРИЕМ ПОДПИСКИ
С ТЕКУЩЕГО МЕСЯЦА.

(Комплектов нет).

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

Журнал
„ОВЛАДЕЕМ ТЕХНИКОЙ“

12 мес. — 6 р. 60 к.

6 мес. — 3 р. 30 к.

3 мес. — 1 р. 65 к.

Подписку сдавайте местной почте не
позже установленного ею срока.

ЖУРНАЛЬНО-ГАЗЕТНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ

РАДИО В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ НАСТУПЛЕНИИ ОРГАНИЗУЕТ
МИЛЛИОНЫ ТРУДЯЩИХСЯ. НАЛАЖИВАЙТЕ РАДИОВЕЩАНИЕ
НА ЗАВОДЕ, В КЛУБЕ, В РАБОЧИХ ДОМАХ, ОВЛАДЕВАЙТЕ
РАДИОТЕХНИКОЙ.

ВО ВСЕМ ЭТОМ ВАМ ПОМОЖЕТ ВСЕСОЮЗНЫЙ РАДИОТЕХНИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ „РАДИОФРОНТ“

Орган Всесоюзного Об-ва друзей радио и ВЦПС. Выходит 2 раза в мес.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПРИЕМ ПОДПИСКИ.

Подписная цена: журн. „Радиофронт“ 12 м.—10 р., 6 м.—5 р., 3 м.—2 р. 50 к.

Подписку сдавайте местной почте не позже установленного ею срока

РАЗДЕЛЫ ЖУРНАЛА:

Проблемы большевистской агитации и пропаганды по радио. |
Плановая радиофикация. | Теория и практика радиотехники. |
Радиотехника для начинающих. | Радиообщественность. | Вопро-
сы организации радиолюбительства. | Техника коротких и ультра-
коротких волн. | Работа трансляционных узлов. | Радиовещание
по проволоке. | Радио в цехе, в клубе, в рабочих жилищах, в
колхозе. — Изобретательство и рационализация в области радио-
техники.

Журнально-газетное объединение.

НЕ ЗАБУДЬТЕ ПОДПИСАТЬСЯ
(ИЛИ ВОЗОБНОВИТЬ ПОДПИСКУ)
НА ПЕРИОДИКУ ПО ВОПРОСАМ ИСКУССТВА
ГАЗЕТ

1. „Советское искусство“

Орган сектора искусства Наркомпроса, издается при
ближайшем участии института ЛИЯ Комкадемии
и Всесоюздрама. Выходит каждые 6 дней.
„Советское искусство“—трибуна творческого опыта
на театре, в кино, ИЗО и в музыке.
„Советское искусство“ борется за марксистско-
ленинское мировоззрение и высокое мастерство
в искусстве.
12 мес.—6 р., 6 мес.—3 р., 3 мес.—1 р. 50 к.

2. „Советский театр“

Ежемесячный общественно-политический журнал
по вопросам театра и марксистского театроведения.
Вооружает пролетарский культактив для борьбы
за подлинно советский театр, за социалистическую
реконструкцию театра.
12 мес.—10 р., 6 мес.—5 р., 3 мес.—2 р. 50 к.

3. „Кино“ Газета

Выходит каждые 6 дней. Газета борется за превра-
щение кино в мощное орудие коммунистической
пропаганды, орудие классовой борьбы и интерна-
ционального воспитания трудящихся масс.
12 мес.—6 р., 6 мес.—3 р., 3 мес.—1 р. 50 к.

Тиражи ограничены. Подписку сдавайте только
местной почте не позже установленного ею срока.
Опоздавшая подписка переносится на следующий
месяц.

ЖУРНАЛЬНО-ГАЗЕТНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ

ПОПУЛЯРНЫЙ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

„ХОЧУ ВСЕ ЗНАТЬ“

С 1-го февраля выходит еженедельно в издании
Жургазоб'единения

Основная цель журнала—ознакомить широ-
кие слои необученных рабочих с общими за-
дачами технической реконструкции СССР, с
основными типами машин и аппаратов, с
основными технологическими процессами,
с выдающимися достижениями науки и тех-
ники у нас и за границей.

„Мы отстали от передовых стран на 50-100 лет.
Мы должны пробежать это расстояние в 10 лет“.

Сталин

ПРОДОЛЖАЕТСЯ
ПРИЕМ ПОДПИСКИ
на 1932 год
с текущего месяца

Подписная цена: 12 мес. 6 р.,
6 мес.—3 р., 3 мес.—1 р. 50 к.

Подписку сдавайте мест-
ной почте не позже уста-
новленного ею срока.

В журнале даются цитаты статей по использо-
ванию энергии по металлургии, топливу, маши-
ностроению, физике, химии, текстильному производ-
ству, технике безопасности, предупреждению проф-
вредностей, по санитарии и гигиене на производ-
стве. В ряде очерков журнал познакомит читателя
с наиболее крупными социалистическими стройками
и с естественными богатствами нашего Союза.

ОСНОВНЫМ ЗВЕНОМ в отделе металлометаллургии вой-
дет важнейшая отрасль ее — ИНСТРУМЕНТАЛЬНОЕ
ДЕЛО: изготовление рабочего инструмента и уход
за ним. В журнале введен отдел „ЧТЕНИЕ МАШИ-
НОСТРОИТЕЛЬНЫХ ЧЕРТЕЖЕЙ“. Чертеж—язык тех-
ники. Без умения читать технические чертежи кель-
зя овладеть техникой.

Журнально-газетное объединение

СПЕРМОКРИН

НАРКОМЗДРАВ РСФСР
Центральный институт
Эндокринологии

Рекомендуется врачами

ПРИ:

неврастении (последствия раннего онанизма),
старческой слабости, артериосклероза, при
истощении после тяжелых болезней.

ЖИДКИЙ (30-40 капель 2-3 раза в день)
В АМПУЛАХ (под кожу 1 ампул. емо-
дневно) В ТАБЛ. (по одной таб. 3-5
раз в день).

ПРОДАЖА ВО ВСЕХ АПТЕКАХ

АДРЕС ИНСТИТУТА. Москва 4, Лавров пер. 6.

НАРКОМЗДРАВ РСФСР Центральный
Госуд. Институт Эндокринологии в Москве

СТАНДАРТИЗОВАННЫЙ И КЛИНИ-
ЧЕСКИ ИСПЫТАННЫЙ ПРЕПАРАТ

ФОЛИКУЛИН

ПОД
НАЗВАНИЕМ
НОВО-ОВАРИКРИН

ЖЕНСКИЙ ПОЛОВОЙ ГОРМОН

с успехом назначается врачами при
недостаточности яичников, задержке и неправильных
месячных, половом недоразвитии, в переходном воз-
расте (илиматерии) и ожирении.

В ампулах для подкожного применения (по 1 ампулу
ежедневно, повторные 2-3 нед. курс лечения)

ПРОДАЕТСЯ ВО ВСЕХ АПТЕКАХ
АДРЕС ИНСТИТУТА: Москва, 4, Лавров переулок, 6.

САМОУЧИТЕЛЬ ПЕНИЯ
Вокально-муз. грамота. Постановка
и развитие голоса. Техника дыхания.
Начальные упражнения. Цена 4 р.
**САМОУЧИТЕЛЬ ИГРЫ
НА СКРИПКЕ**
Нотная грамота, наставления, у-
пражнения и ноты. Цена 3 р. 75 к.
**Полная поваренная книга
для хозяек**
Кни из любых имеющихся продуктов
экономно готовить разнообразные,
сытные и вкусные блюда, также
тесто и выпечку. Множество полез-
ных советов. Цена с перес. 3 р.
Нов. Кооп. т-во „Логоо“, улица Во-
ровского 21/3, ящики 121.

Богато иллюстриро-
ванное издание
**Вопросы
ПОЛОВОГО
ВОСПИТАНИЯ
в БРАКЕ И СЕМЬИ**
Альбом в ТРЕХ ЧАСТЯХ
(более 1.300 рисунков)
Под редакцией профессора В. И. ТА-
ЛЛЕВА, Н. И. ИОРДАНИСКОГО и С. Я.
ВОЛЬФСОНА
К альбому прилагается
семь книг (1116 стр. текста)
Цена альбома в переп. со всеми при-
ложениями 30 рублей. Переплата за счет
заказчика. Высылается только по по-
лучению задатка не менее 10 рублей.
Москва, Г.С.П. 10. Моховая ул. д. № 26
кн. маг. Просвет. о-ва „ПРОМЕТЕЙ“.

УХОД ЗА КОЖЕЙ
Вспушки. Загар. Угри. Прыщи.
Бородавки. Морщины. Краснота носа.
Пятна. Потливость. Мозоли. Писсы.
руководство для борьбы с этими
дефектами высылается за пять руб.
УХОД ЗА ВОЛОСАМИ
Выпадение. Облысение. Поседение.
Окраска. Удаление. Цена тоже пять р.
Оба руководства высыл. за 7 р. 50 к.
Адрес: К и с в, Бессарабка, автору
АННЕ СТАЦЕВИЧ, абонементам
ящик № 5.

ПОРТРЕТ, художеств. уве-
личен., тушь Ю.
высылаю с любой фото-карточкой раз-
м. с паспарту 32x40 при получении пол-
ностью 20 руб. с упаковкой и пере-
сылкой. При желании покрыть ла-
сом дорожно на 2 руб. Исполни-
ние 15 дней. Карточка возвращается.
Иосиф, Б. Грузинская, 75. к. 27 Худ-
м. фот. Л. В. САМОЙЛОВИЧ

ПЕЧАТНЫЙ ПРИБОР
„ГУТЕНБЕРГ“. Не-
обходим и полезен
каждому для печата-
ния бланков, кон-
вертов, карточек,
именнотч. и фамилий,
повесток, стихотво-
рений и проч.; 220
науч. букв, цифр, знаков и упр-
шений о принадлежности и руковод.
4 р. 50 к., 320 букв—6 р. 50 к.
и 500 букв—9 р. Перев. и упа-
ковки за счет заказч. Высыла-
ется по получении задатка 2 р.
Пр-ство Е. И. ГЕНФАНШТЕЙН.
Одесса, ул. Зинovieва, № 36/16

**ГОВОРЯТЕ ЛИ ВЫ
ПО-НЕМЕЦКИ?**
Практический самоучитель для
быстрого изучения немецкого
разговорного языка. Цена 3 р.
с перес. Адрес: Москва, Твер-
ская, 17, абонементам. ящик 168.
Автору В. Рябому.

РЕМЕСЛА НА ДОМУ домашний
мастер
Работа по дереву и металлу, изго-
товление игрушек; плетение из лозы
и веревки; пакеты, коробки, пере-
плеты, электротехника, радио-фото-
графия, окраска тканей, изготовле-
ние чернил и пр., с 306 рис., сост.
Иваненко. Ц. 2 р. 60 к.
ДРУГ ДОМОХОЗЯЙКИ
Руководство кройки и шитья, даю-
щее возможность изучить необходи-
мые и вполне достаточные для семьи
сведения по крою и шитью в 75 уро-
ков. Ц. 1 р. 75 к.
ОБЩЕДОСТУПНЫЙ СТОЛ
„Наша кухня“
Сост. Понятовская и Некрасова,
558 рецептов различных кушаний
применительно к современным усло-
виям. Ц. 1 р. 80 к.
Вышперечисленные книги высыл.
блон. алатом без задатка, Мо-
сква, Арбат 31, „МОСТОРГИН“

**ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПРИЕМ ПОДПИСКИ
НА БИБЛИОТЕКУ
„РАДИОФРОНТ“**

Библиотека состоит из 12 книг в год и посвящена теоретиче-
ским вопросам радиотехники, последним достижениям загра-
ничной радиотехники, радиофикации и радиовещанию. Каждая
книга посвящается определенному вопросу и является вполне
законченным трудом. Библиотека составлена с таким расчетом,
чтобы дать представление по важнейшим проблемам радио, и
поэтому представляет хорошее пособие для самостоятельного
изучения радио.
Подписная цена: 12 мес.—3 р., 6 мес.—1 р. 50 к., 3 мес.—75 к.
Подписку сдавайте местной почте не позже установленного ею срока
Жургазоб'единение

ЦЕНЫ НА ПАРФЮМЕРИЮ И КОСМЕТИКУ СНИЖЕНЫ

ЦЕНЫ НА ПАРФЮМЕРИЮ И КОСМЕТИКУ СНИЖЕНЫ

НОВЫЙ ВЫПУСК

ЛУЧШИЙ
КРЕМ

РИМЕИЗ

ОБЛАДКА
КОСМЕТИКИ
ТЭЖЕ

ЦЕНЫ НА ПАРФЮМЕРИЮ И КОСМЕТИКУ СНИЖЕНЫ

ЛЕЧЕБНИЦА (ПОЛИКЛИНИКА)
ВСЕРООБПОМА
ОХОТНЫЙ РЯД, 3 (у Дома союзов). Телефон 1-52-88 и 3-38-67
Прием врачами-специалистами всех граждан по всем
специальностям с 8 часов утра до 9 часов вечера
ЛАБОРАТОРИЯ (все виды медицинских анализов).
РЕНТГЕН. ЭЛЕКТРО-СВЕТОЛечение.
ХИРУРГИЧЕСКИЙ КАЗИНЕТ (ортоп., туб. костей,
исправление дефектов лица, челюстей, носа, носа).
ВНУТРЕННИЕ БОЛЕЗНИ (туб., бол. сердца, сосуд.,
болезни обмена вещ., бол. желудка и кишечника и пр.)
ЗУБОВРАЧЕБНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ (протезирование).
ГИНЕКОЛОГИЯ И АКУШЕРСТВО (профилактика).
НОЖНО-ВЕНЕРИЧЕСКОЕ И УРОЛОГИЧЕСКОЕ
мочебол. отделение **ЖЕНСКАЯ ГОНОРЕЯ.**
Консультация и прием профессоров ежедневно

ЧИТАЙТЕ ЖУРНАЛ
ОВЛАДЕЕМ ТЕХНИКОЙ

Как самому построить радиоприемник?
Как организовать радиогазету?
Что такое телевидение?
На эти и другие вопросы радиотехники и радиовещания,
каждый может получить ответ подписавшись на популярную
РАДИОБИБЛИОТЕКУ. Популярная библиотека рассчитана
на начинающего радиолюбителя, для самостоятельного
изучения радиотехники и основных вопросов радиофикации
и радиовещания. Библиотека написана популярным языком
и является общедоступным пособием. Состоит из 24 книг
в год.
ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПРИЕМ ПОДПИСКИ
Подписная цена: 12 мес.—4 р., 6 мес.—2 р., 3 мес.—1 р.
Подписку сдавайте местной почте не позже установ-
ленного ею срока.
Жургазоб'единение

ДАЖЕ не умеющий
рисовать

ПОРТРЕТ

натурально и точно увеличен. о
любых фото-карточки размер о
паспарту 32×40 сант.—20 р.,
42×52 сант.—30 р., 52×64—
45 р., о лакировый и пересылкой
Задаток — половина стоимости.
Масса благодарн. и награда за
24 года работы.

ХАРЬКОВ почтовый ящики № 269.
Студия художника **МАЛЬЦЕВА,**

КУРЯЩИМ выс. за пять
15 к. марок
проспект „Как уменьшить вред от курения
табака“. Киев, Гл. Почта, почт. ящик 32.

МАГАЗИН, ЛАБОРАТОРИЯ И МАСТЕРСКИЕ
Российского Театрального Общества

ГРИМ ТЕАТРАЛЬНЫЙ

	Цена		Цена
Набор грима б/р.	3 50	Карандаши для бровей в метал. пеналах черн.	3 25
Набор грима в картонных коробках	3 10	корич. штен 1/2	3 25
Набор грима в картонных коробках с/р.	2 60	Карандаши для бровей в бумажн. пеналах	1 40
Набор грима в картонных коробках м/р.	2 10	Губная помада в метал. пеналах 1/1	4 40
Набор грима карандашами 9 карандашей	3 50	Губная помада в метал. пеналах 1/2	3 —
Тона грима в карандашах № 1, 2, 3, 4.	1 15	Губная помада в бумажн. красн. пеналах	2 15
Тона грима остальные цвета тонкие	— 85	Губн. помада в бум. син. пеналах	1 55
Гумоз	— 50	Губн. пом. короб.	1 55
Лак для ногтей б/разм.	1 30	Губн. пом. бочечк.	— 80
„ „ „ м/разм.	— 70	Вазелин	2 40
Паста для снятия грима	1 80	Вазелин м/р.	— 75
Пудра для артистов круга.	1 10	Искусств. носы штука	1 45
Сухое румяна	— 85	„ подбородок шт.	1 45
		„ щечи оара	1 45

ЗЕРКАЛА ДЛЯ ГРИМИРОВКИ

Больш. разм. . . 6 40. Средн. разм. . . 3 70. Малый . . 2 55

П А Р И Н И

[illegible]

П Ь Е С Ы

1. **ВЕЛИКИЙ НАТОРНИК**. Пьеса в 5-х. А. Лернер. Рол. М.—10, ж. 4. 30 и. 2. **ЛЕДОЛОМ**. П. в 5-д. Рол. М.—17, ж. 3. 30 и. 3. **МОСТ** Пьеса в 4 акт. и 9 карт. Романович. Рол.—М 13, ж. 4. 65 коп. 4. **ОКОПЫ** Пьеса в 4-х д. 6 карт. Рол. М. 10, ж. 3. 40 коп. 5. **ПОДЕШЬ** Пьеса в 5-ти д. А. Мирзнер. Рол. М. 17. ж. 6. 25 и. 6. **СЛОВО ЛЕЙТЕНАНТА ПИНО**. Драма в 1-ом д. Рол. М. 3, ж. 2. 30 коп. 7. **СТРОЙ ФРОНТ**. Пьеса в 4-х д. А. Завалишин. Рол. М.—ж. 4. 75 коп. 8. **ТЕМП И НАТИС**. Д. Мавянов. Рол. М. 9, ж. 7. 60 коп. 9. **САМОДЕЯТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО** о приложении **КРАСНАЯ РУБАХА** (сб. малых форм). Цена 60 коп.

ПОСОБИЯ ПО КЛУБНО-ТЕАТРАЛЬНОЙ РАБОТЕ.

1. АЛЬПЕРО. ТЕАТР СОЦИАЛЬНОЙ МАСКИ. Цена 1 руб. 65 коп.
2. ОФОРМЛЕНИЕ МАССОВОГО ПРАЗДНЕСТВА И ДЕМОНСТРАЦИЙ.
Ч. 1. 50 н. 3. ИСКУССТВО ГРИМА. Наглядное пособие кру-
жковцам. Ч. 2. 60 н. 4. ХРЕСТОМАТИЯ АКТЕРА. (Шмидка, речь,
движение и грим). Цена 1 р. 75 н.

**Поступили в продажу
КНИЖКИ ТЕАТРАЛЬНЫХ БИЛЕТОВ**

по 1000 билетов в каждой книжке. Цена 1 руб. 25 г. с. п.
ЗАКАЗЫ ВЫСЫЛ. НАЛОЖЕННЫМ ПЛАТЕЖОМ БЕЗ ЗАДАТКА.
ЗАКАЗЫ АДРЕСОВАТЬ: Москва, Советская пл. 28/о РТУ.

ЧИТАЙТЕ РОСТ
ЖУРНАЛ

НОТЫ—ПОЧТОЙ

**В С Е
Н О Т Ы** имеющиеся на рынке для хора, песни
фортепиано, духовых, струнных и на-
родных инструментов, для оркестра,
книжки по музыке.

САМОУЧИТЕЛИ:

по нотной или цифровой системе. Для балалайки Илюхина ц. 1 р. 50 к. Для гитары 7-стр., Иванова ц. 2 р. 50 к. Для мандолины, Александрова ц. 1 р. 50 к. Для 2-х рядной гармоникой венск. русск., нем. строя 21 кл. 12 бас. Сергеева и Голубева ц. 1 р. 50 к. Песны от 6, 8 и 10 н. и дороже. Альбомы на разные темы. Для балки 52 кл. 90 басов тогто по нотной системе. Школа-самочетель Гладина и Голубева ц. 2 р. 50 к. Песны от 6, 8 и 10 ноп. и дороже. 2-й сборник рев. песен Голубева и Тарнопольского. Цена 1 р. 20 к. **Требуйте каталоги ЗАКАЗЫ И ЗАПРОСЫ НАПРАВЛЯТЬ:** Москва, центр, Неглинная 14 «НОТЫ—ПОЧТОЙ»

ВСЕУКРАИНСКИЙ ИНСТИТУТ ЭНДО-
КРИНОЛОГИИ И ОРГАНО-ТЕРАПИИ
НАРКОЗДРАВЬЯ УССР, И ХАРЬКОВ, МЕДИЦИНСКОГО ОБ-ВА

ДЛЯ УЛУЧШЕНИЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ВЛАДА,

ПРИ ОБЩЕЙ СЛАБОСТИ, СНИЖЕ
 ЛЕННОЙ НЕРВНОЙ СИСТЕМЕ И
 КАК ОБЩЕЕ ТОНИЗИРУЮЩЕЕ
 СРЕДСТВО ПРИМЕНЯЕТСЯ
СПЕРМОЛЬ
 (ВЫТЯЖКА ИЗ СЕМЕННЫХ ЖЕЛЕЗ)

ВСЕУКРАИНСКИЙ
ЭНДОКРИН
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ЦЕНТР

МИОЛЬ
МУСКУЛЬНЫЙ
ЭКСТРАКТ

ПРИ ГРУЗНОМ ТРУДЕ
(СЕРДЕЧНОЙ АСТМЕ)
ПРИ ПЕРЕМЕЖАЮЩЕЙСЯ
ХРОМОТЕ ПРИМЕНЯЕТСЯ
МИОЛЬ
(МУСКУЛЬНЫЙ ЭКСТРАКТ)

ФОРМИН

(СЕРДЕЧНОЙ АСТМЕ)
ПРИ ПЕРЕМЕЖАЮЩЕЙСЯ
ХРОТЕ ПРИМЕНЯЕТСЯ
МИОЛЬ
(МУСКУЛЬНЫЙ ЭКСТРАКТ)

г. ХАРЬКОВ
УЛ. АРТЕМА, 12

FERRINE
актив. 7%
..... 5%
1/12%

ФИТО-ФЕРРИН

СТРОМ МАЛОКРОВИИ

БЕЛОКРОВИИ И АНЕМИИ
ПРИМЕНЯЕТСЯ
ФИТО-ФЕРРИН
(ФИТИН С ЖЕЛЕЗОМ)

при остром
БЕЛОКРОВИИ И АНЕМИИ
ПРИМЕНЯЕТСЯ
ФИТО-ФЕРРИН
(ФИТИН С ЖЕЛЕЗОМ)
УЛ. АРТЕМА, 12
ФЕРИ

ХАРЬКОВ, УЛ. АРТЕМА, 12
ПОСТРЕН
МОСФОР ДЛЯ МОЗГА.
...ЕННЫХ И

ХАРЬКОВ

ФОСФОР

ФОСФОР ДЛЯ МОЗГА.

ПРИ УПАДКЕ УМСТВЕННЫХ И
ФИЗИЧЕСКИХ СИЛ ПРИМЕНЯЕТСЯ

ФОСФОРЕН
(ФОСФОР ДЛЯ МОЗГА)

АТКЕ УМСТВЕН
СКИХ СИЛ ПРИМЕНЯЕТСЯ
ФОСФОРЕН
(ФОСФОР ДЛЯ МОЗГА)

СПОСОБ УПОТРЕБЛЕНИЯ ПРИ КАЖДОМ ПРЕПАРАТЕ.
ПРОДАЖА ВО ВСЕХ АПТЕКАХ И МАГАЗИНАХ САНГИТИЕНЫ СССР.

ПРИ ОТСУТСТВИИ НА МЕСТАХ ВЫСЫЛАЕТСЯ ПОЧТОЙ ГЛАВНЫМ СКЛАДОМ
ИНСТИТУТА ПО ПОЛУЧЕНИИ ЗАДАТКА НЕ МЕНЕЕ ОДНОГО РУБЛЯ
С КАЖДОГО ФЛАКОНА. ОБРАЩАТЬСЯ ПО АДРЕСУ: ХАРЬКОВ, УЛ.
АРТЕМА, 12. ВСЕУКРАИНСКОМУ ИНСТИТУТУ ЭНДОКРИНОЛОГИИ.